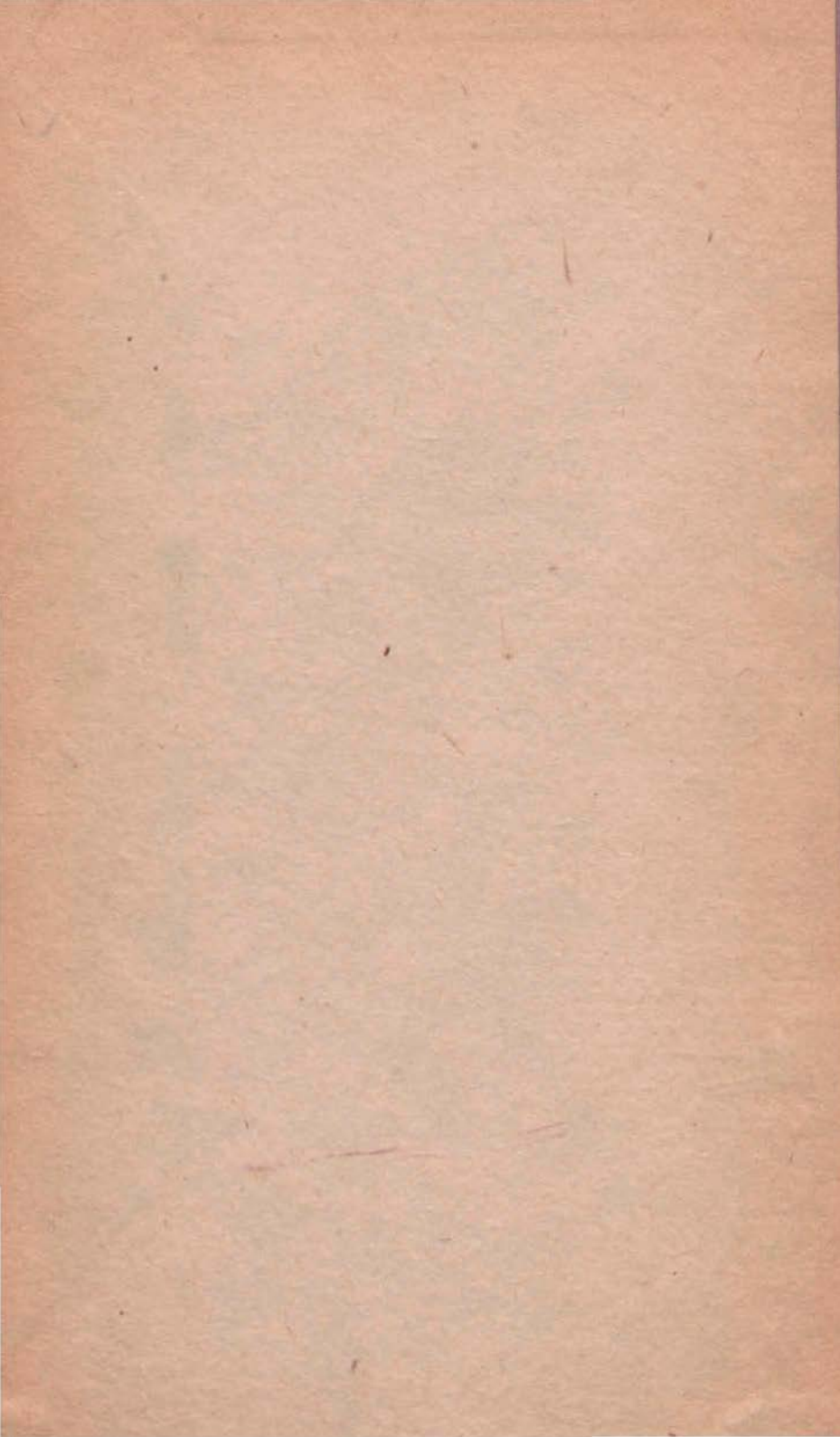
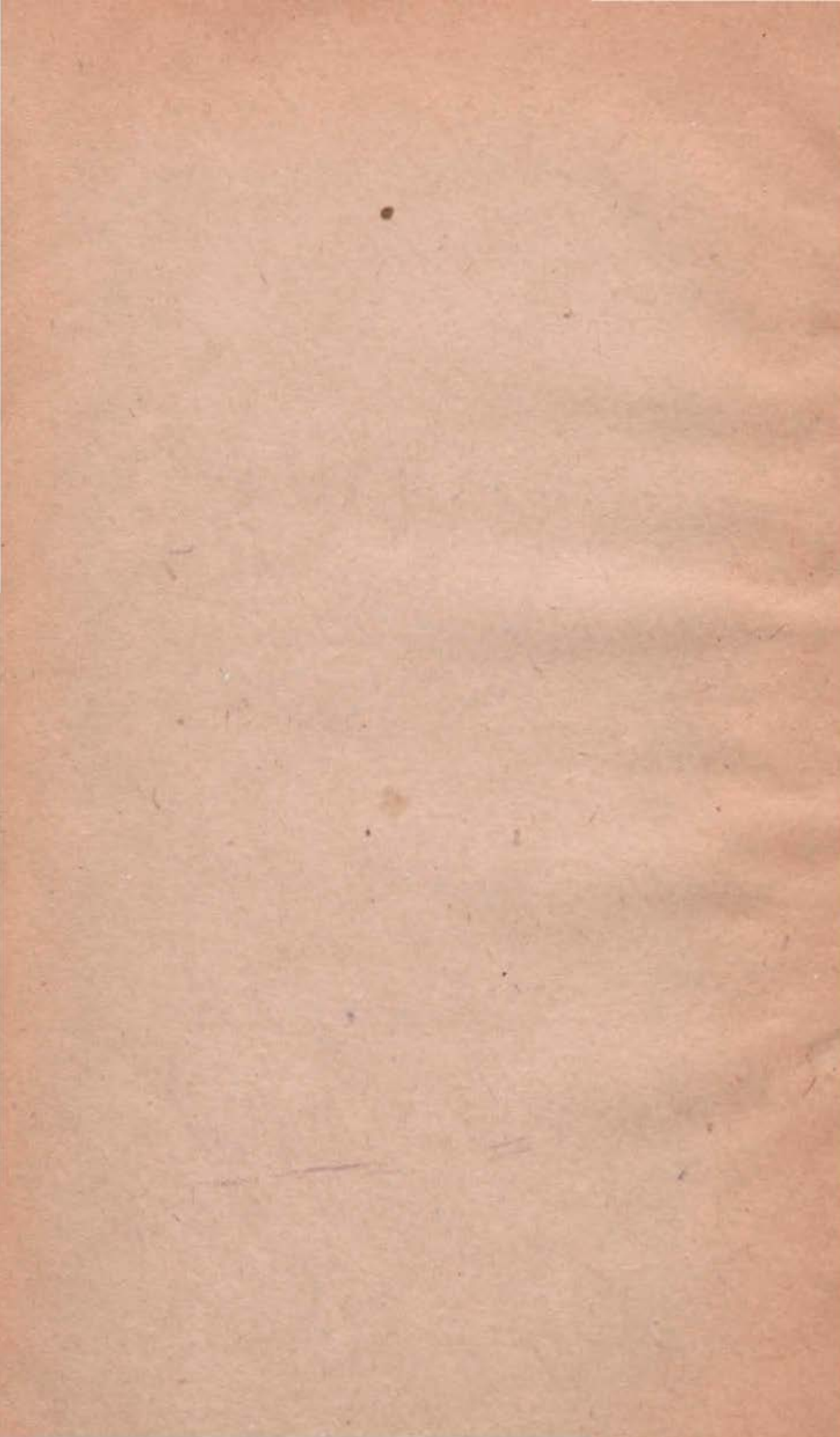

21402
17

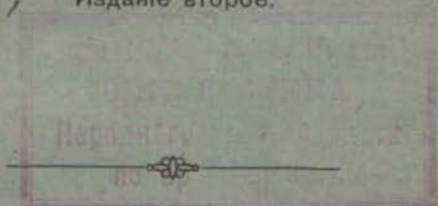
402
17
О ВНѢШНИХЪ ПРИЕМАХЪ

ВОСПИТАНІЯ

ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

Н. Горбова.

Изданіе второе.

Типо-литографія Т-на И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1915.

402
17
— 16 100 / 80

О ВНѢШНИХЪ ПРИЕМАХЪ

371.5:372.2

ВОСПИТАНІЯ

ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

13424

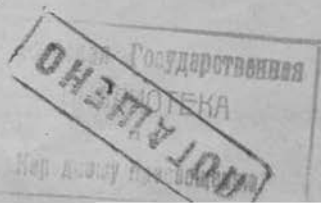
Н. Горбова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цена 30 коп.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

46 385-46

2010515199

Предисловіе къ 1-му изданію.

Настоящая брошюра представляет собою переработку статьи, напечатанной мною въ журналѣ «Церковно-приходская школа» (1888 г.) подъ заглавіемъ: «О дисциплинарныхъ мѣрахъ въ народной школѣ».

Основанія, на коихъ построены мои выводы, принадлежатъ не мнѣ. Они высказаны, съ величайшей убѣдительностью, уже многими педагогами и, въ томъ числѣ, незабвеннымъ учителемъ моимъ въ школьномъ дѣлѣ, С. А. Рачинскимъ.

Я лишь старался, по мѣрѣ силъ, рассмотреть приложеніе ихъ къ одной, узкой и второстепенной сторонѣ школьной работы. Въ этихъ только границахъ, т.-е. въ границахъ вопроса о внѣшнихъ пріемахъ воспитанія (о дисциплинарныхъ мѣрахъ) въ русской народной школѣ, и вращаются мои разсужденія. Никакими болѣе широкими цѣлями я не задавался и менѣе всего, конечно, думалъ написать изслѣдованіе объ общихъ задачахъ и пріемахъ воспитанія.

Соображенія мои я подтверждаю примѣрами изъ собственной практики. Сознаюсь, что это—опасный способъ доказательства. Ибо это значитъ не дожидаясь чужаго одобренія, самому признавать свои пріемы достойными подражанія,—что

легко можетъ оказаться непонятнымъ самообольщеніемъ или непозволительной самонадѣянностью.—Но, однако, если бы я не считалъ ихъ правильными и ихъ результатовъ удовлетворительными, то что могло бы побудить меня держаться ихъ? Не былъ ли бы я въ такомъ случаѣ обязанъ отвергнуть ихъ и принять новые? Но эти новые приемы оказались бы для меня столь же доказательными, какими раньше были замѣненные ими,—и упрекъ остался бы въ прежней силѣ.

1904 г.

С. Петровское.

Ко 2-му изданію.

Перепечатывая мою брошюру безъ всякихъ измѣненій по существу и лишь съ незначительными редакціонными поправками, я, тѣмъ не мѣнѣ, долженъ сдѣлать одно замѣчаніе.

Въ послѣдніе годы въ начальную школу,—преимущественно въ городскую, но отчасти и въ сельскую,—проникло новое направленіе, еще болѣе гибельное, чѣмъ тотъ школьный формализмъ, противъ котораго направлена моя брошюра. Я говорю объ усиленной и систематической погонѣ школы за всевозможными развлеченіями. Домашніе спектакли, вечера, кинематографы, такъ называемыя образовательныя прогулки и экскурсіи, даже такія явно нелѣпыя занятія взаимнъ уроковъ, какъ „свободная“ лѣпка или „свободное“ иллюстрированіе дѣтьми

разказовъ изъ священной исторіи, и пр. и пр.— все это заботить теперь очень многихъ руководителей школъ болѣе, чѣмъ правильное теченіе учебныхъ занятій. Явившись разъ наблюдать за перевозкой инвентаря одной школы, я прежде всего увидалъ на возу не парты, не глобусы или черныя доски, а декорацію домашней школьной сцены, какой-то плетень съ огромными желтыми подсолнечниками;— это было, по-истинѣ, своего рода символомъ!—И надѣюсь, что читатели не усумнятся въ томъ, что сближеніе школы съ жизнью, служащее исходной точкой всѣхъ моихъ разсужденій, есть прямая противоположность этому стремленію превратить школы изъ учебныхъ заведеній въ заведенія увеселительныя. Поэтому я и не подвергаю его подробному разбору. Это одно изъ тѣхъ увлеченій, примѣровъ которыхъ можно встрѣтить не мало въ исторіи педагогики, и которыя обыкновенно сами собой исчезаютъ за отсутствіемъ какихъ бы то ни было прочныхъ основаній. Впрочемъ, для общаго хода развитія педагогики они могутъ быть иногда даже полезны, въ качествѣ матеріала, и если чѣмъ несомнѣнно вредны, то тѣмъ, что портятъ нѣсколько поколѣній учениковъ. Такъ и теперешняя школа всѣмъ свимъ строимъ внушаетъ своимъ питомцамъ убѣжденіе, что главное въ жизни—удовольствіе, а работа—досадная помѣха. Въ одной школѣ дѣлалось по нѣсколько спектаклей въ зиму; я этому воспротивился, но наконецъ долженъ былъ уступить и разрѣшилъ одинъ спектакль. „Вотъ хорошо, а то безъ удовольствій-то жить

трудно“ замѣтилъ одинъ ученикъ и своимъ замѣчаніемъ исчерпалъ все, что можетъ быть по этому поводу сказано.

Мнѣ могутъ возразить, что я преувеличиваю. Не думаю; называть вещи своими именами не значитъ преувеличивать.

А затѣмъ я считаю нужнымъ добавить, что я отнюдь не берусь судить, является ли погоня за удовольствіями зломъ и въ средней школѣ, или тутъ она необходима, потому что дѣти приносятъ сюда уже изъ дома искусственно возбужденные вкусы и потребности. Дѣлаю эту оговорку лишь во избѣжаніе недоразумѣній, такъ какъ по существу этотъ вопросъ къ содержанію моей брошюры не относится.

Н. Г.

1915 г.

Москва.

Подъ внѣшними приѣмами воспитанія я подразумѣваю всѣ тѣ мѣры понужденія, къ которымъ обыкновенно считаютъ нужнымъ прибѣгать воспитатели.

Собственно, сила воспитанія есть и должна быть сила внутренняя. Воспитатель долженъ свободно вести своего воспитанника по пути къ совершенству, умственному и нравственному. Побужденіемъ къ этому свободному повиновенію для воспитанника должно быть сознаніе духовнаго превосходства надъ нимъ его воспитателя.

Однако, въ дѣйствительности такъ бываетъ не всегда. Воспитатели, находя, что воспитанники ихъ уклоняются отъ указываемаго имъ пути, считаютъ обыкновенно необходимымъ прибѣгать къ внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія и понужденія, т.-е. такимъ, которыя не стоятъ внутренне въ связи съ задачами воспитанія, а дѣйствуютъ извнѣ, либо пугая воспитанника, либо завлекая и маня его. Соотвѣтственно съ этимъ, онѣ бываютъ двоякаго рода: или положительныя, награды, или отрицательныя, наказанія.

Предполагая разсмотрѣть ихъ въ приложеніи исключительно и единственно къ русской народной, сельской школѣ, я буду вмѣсто словъ «воспитатель» и «воспитанникъ» употреблять слова «учитель» и «ученикъ». Выраженія эти, конечно, не будутъ исполнѣ точны, но они будутъ удобны, такъ какъ не дадутъ мѣста недоразумѣніямъ. Примѣненіе моихъ разсужденій къ школамъ иныхъ типовъ привело бы, вѣроятно, къ неправильнымъ выводамъ.

I.

Награды имѣютъ въ школьной жизни гораздо меньшее распространеніе, чѣмъ наказанія. Особенно рѣдко упо-

требляются онѣ въ народной школѣ. Но тѣмъ не менѣе онѣ встрѣчаются, и ихъ надо разсмотрѣть.

Награды даются въ видѣ какихъ-нибудь подарковъ, преимущественно книгъ, въ видѣ похвальныхъ листовъ, медалей, записи на «золотую доску» и т. п. Самая же обычная награда есть похвала учителя.

Про послѣднюю нечего говорить. Если отношенія между учителемъ и учениками правильны, т.-е. основаны на взаимномъ расположеніи, то учителю самому пріятно высказать своему ученику слово похвалы, слово одобренія и ласки. А ученикъ, съ своей стороны, принимаетъ это слово съ искренней радостью. Это—естественный обмѣнъ чувствъ двухъ друзей. Но понятно, что похвала пріятна и дорога для учениковъ только тогда, когда они сами уже хорошо настроены и стоятъ на правильномъ пути. Слово пролетаетъ быстро, и чтобы оно было замѣчено и принесло плодъ, оно должно пасть на благодарную почву, въ душу, хорошо настроенную. Всякій учитель, однако, самъ пойметъ, что нельзя злоупотреблять и похвалой: отъ частаго повторенія къ ней привыкають, и она теряетъ все свое значеніе.

Разъ ученикамъ было дано новое упражненіе, какого они еще никогда не дѣлали. Просмотрѣвъ ихъ работы, очень удачныя, я сказалъ имъ: «Что же, это хорошо, я вами доволенъ»,—и имѣлъ величайшую радость услышать, какъ одинъ шепнулъ другому: «слава Богу!» Мои отношенія съ этими учениками самыя близкія, но похвалъ я имъ не расточаю, а высказываю ихъ очень рѣдко, и поэтому мои слова произвели впечатлѣніе. Само собою разумѣется, однако, что учатся ребята не изъ-за того, чтобы услышать подобное бѣглое замѣчаніе.

И этими словами я подхожу къ самой сущности вопроса о школьных наградахъ.

Награждать можно за хорошее ученіе и за хорошее поведение.

Съ увѣренностью говорю я,—и всѣ, близко знающіе народную школу, согласятся съ мной,—что нашимъ деревенскимъ ученикамъ свойственно прилежаніе. Я не

знаю достаточно близко народную школу другихъ странъ и не могу говорить, какъ обстоитъ это дѣло тамъ,—но у насъ прилежаніе учениковъ есть несомнѣнный, радостный и счастливый фактъ, очевидный для всѣхъ.

Конечно, есть и лѣнныя ученики. Но изъ того, что есть слѣпыя, слѣдуетъ ли, чтобы человѣкъ былъ существомъ, по природѣ своей лишеннымъ зрѣнія? Исключение есть исключение, а правило остается во всей своей силѣ. Весь строй жизни человѣческой рассчитанъ, все-таки, на зрячихъ. Подобно этому, при обсужденіи вопросовъ школьнаго воспитанія, надо имѣть въ виду прилежныхъ учениковъ.

13424 Но можно ли награждать прилежнаго ученика за хорошія занятія? Можно ли награждать за хорошее дыханіе? Такой вопросъ нелѣпъ, а между тѣмъ онъ совершенно подобенъ первому. Вѣдь занимаясь прилежно, прилежный ученикъ лишь повинуется влеченію своего ума, лишь удовлетворяетъ его потребностямъ. Цѣль учебныхъ занятій есть приобрѣтеніе знаній. Ясно или неясно, но это сознаетъ всякій человѣкъ, и для прилежнаго ученика нѣтъ и не можетъ быть другой награды, какъ достигнуть того, къ чему онъ стремится. Зачѣмъ же школа будетъ ставить ему другія цѣли, обѣщать ему другія награды, цѣли и награды ложныя вмѣсто истинныхъ? Ученикъ поступаетъ въ школу во всякомъ случаѣ не для того, чтобы получить послѣ экзамена похвальный листъ или какую-нибудь книгу. Что же можетъ побудить школу сказать ему: «Я не считаю, что знанія, которыя ты приобрѣлъ въ стѣнахъ моихъ, достаточная награда за прилежаніе, которое ты выказывалъ. Даю тебѣ другую награду, болѣе существенную. Радуйся не полученному тобой образованію, — радуйся вотъ этимъ баснямъ Крылова, въ яркомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Эту книгу, а не познанія, сохрани ты, какъ драгоценный подарокъ школы, данный тебѣ въ торжественную минуту разлуки!»

А между тѣмъ это постоянно происходитъ, болѣе, впрочемъ, въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Кто хоть немного

знакомъ съ ихъ жизнью, тотъ знаетъ, какія сцены разыгрываются во время экзаменовъ. «Меня снимутъ съ золотой доски, мнѣ не дадутъ похвального листа», вопять искалѣченные дѣти. А ихъ родители, вмѣсто того, чтобы сердиться на нихъ, соболѣзнуютъ имъ, утѣшаютъ ихъ. Несчастные! Они не знаютъ, какой вредъ приносятъ они такимъ образомъ своимъ дѣтямъ. Въ ихъ душахъ еще можетъ быть живы искры стремленія къ свѣту, — но эти искры тщательно загашиваются награждающей школою и сочувствующими родителями. На ихъ мѣстѣ сбьются и пышно расцвѣтають плевелы пошлѣйшаго тщеславія.

Можно, однако, сказать, что хотя награды, даваемые за учебные успѣхи, и не имѣютъ въ сущности смысла, онѣ могутъ тѣмъ не менѣе имѣть нѣкоторое практическое значеніе. Онѣ все-таки могутъ служить для нѣкоторыхъ учениковъ своего рода побудительной причиной заняться тѣмъ или другимъ предметомъ, т.-е. пріобрѣсти то или другое знаніе. А знаніе, какъ бы оно ни было пріобрѣтено, все-таки знаніе.

Иначе дѣло обстоитъ съ наградами за хорошее поведение: здѣсь онѣ только вредны.

Хорошее поведение имѣетъ нравственную цѣну только тогда, когда оно исходитъ изъ хорошаго душевнаго настроенія, т.-е. когда оно искренне. Но если оно хотя малѣйшимъ образомъ обусловлено ожиданіемъ награды, хотя бы только въ видѣ хорошаго балла, то его, собственно, уже нѣтъ. Ибо въ основаніи его лежитъ уже не хорошее побужденіе, а стремленіе получить нѣкоторую выгоду, т.-е. самое очевидное корыстолюбіе. И награждая за хорошее поведение, мы не только не помогаемъ нашему воспитаннику стать хорошимъ человѣкомъ, а, наоборотъ, развиваемъ въ немъ лицемеріе, одинъ изъ отвратительнѣйшихъ пороковъ.

Это ясно до такой степени, что мнѣ совѣстно было бы передъ читателями доказывать эту очевидную истину.

Я могу только пожелать, чтобы народная наша школа, сравнительно свободная отъ наградъ, была избавлена отъ послѣднихъ слѣдовъ этого бѣдствія.

Ея питомцы, не испорченные условностями жизни, прямо и откровенно идутъ къ идеальной цѣли, связанной, въ ихъ представленіи, съ понятіемъ школы. Въ послѣднемъ достиженіи ея—ихъ высшая и единственная награда. Другихъ имъ не надо, другихъ они не ждутъ.

Я знаю, учителя-чиновники съ презрѣніемъ прочтутъ эти слова,—слова пустаго идеализма. Но я знаю также, что всѣ истинные учителя не могутъ думать иначе, ибо они понимаютъ, что безъ идеализма—нѣтъ воспитанія.

И я знаю, наконецъ, что именно въ сельскихъ учителяхъ слова мои встрѣтятъ наиболѣе сочувствія. Ибо сельская школа есть школа жизненная по преимуществу.

И такой мы обязаны сохранить ее навсегда!

II.

Размышляя о системѣ наказаній, каждый учитель пусть прежде всего подумаетъ о томъ, какую страшную отвѣтственность беретъ онъ на себя, налагая на ученика какое-нибудь наказаніе.

Одинъ извѣстный педагогъ высказываетъ по этому поводу важную и вѣрную мысль. Жизнь человѣческая есть даръ Божій и ее надо оберегать въ ея наилучшемъ, наипрагматичнѣйшемъ, наисвѣтлѣйшемъ видѣ, во все ея продолженіе. Нельзя смотрѣть на дѣтство и отрочество, т.-е. на тѣ періоды, въ теченіе коихъ человѣкъ воспитывается, какъ на какую-нибудь случайную часть ея. Конечно, въ это время человѣкъ готовится къ самостоятельной жизни, но въ то же время онъ вѣдь и живетъ же, каждую минуту, непосредственной, ежедневной жизнью. И эта жизнь должна быть прожита такъ же хорошо, какъ предполагается, что будетъ прожита и послѣдующая, самостоятельная. Кто же можетъ, кто смѣетъ портить этотъ періодъ чужой жизни суровостью, строгостью, частыми и сильными наказаніями? Что даетъ учителю право лишать его учениковъ даннаго имъ Богомъ счастья?

Вотъ мысли, которыя каждый учитель долженъ держать въ своей памяти, какъ постоянное руководство.

Ибо страшна власть, данная въ этомъ отношеніи учителю, страшна она для самого же учителя. Можетъ ли быть болѣе разницы, чѣмъ между ученикомъ, слабымъ и беззащитнымъ, и учителемъ, вооруженнымъ всей силой власти, возраста, образованія, даже просто физической силой?! И вотъ, этотъ страшный и сильный человѣкъ наказываетъ ученика, маленькаго и безотвѣтнаго. Ученикъ провинился. Онъ достоинъ наказанія. Это учитель рѣшаетъ легко и скоро. — Но дѣйствительно ли провинился ученикъ?.. Почему онъ напашалилъ? Не измучилъ ли его учитель слишкомъ долгой работой, такъ что ему надо было дать волю своей потребности движенія, шума, веселости? Ученикъ дурно исполнилъ свою работу. Но можетъ быть онъ заморенъ дома нуждой, можетъ быть у него какое-нибудь горе, — а, можетъ быть, даже и просто умъ его былъ направленъ на какой-нибудь другой интересъ. Да и хорошо ли выбралъ учитель работу, хорошо ли ее разъяснилъ? Можетъ быть, наказаніе въ сущности заслужилъ онъ самъ, учитель? Но онъ никогда ему не подвергнется, ибо судья въ этомъ дѣлѣ — онъ же самъ! И пока этотъ властный человѣкъ налагаетъ на ученика наказаніе, онъ думаетъ, что передъ нимъ стоитъ только шалунъ-мальчишка. Но онъ ошибается. Передъ нимъ — живой человѣкъ, съ живой душой, съ своими радостями и огорченіями, съ жаждой любви и ласки, съ самолюбіемъ и пониманіемъ несправедливости. Притомъ этотъ человѣкъ — или человѣчекъ — именно къ нему, къ учителю, пришелъ искать свѣта, умственнаго и нравственнаго. И если онъ наказанъ несправедливо, то кому онъ пожалуется, кому выплатить обиду своей маленькой, еще хрупкой и нѣжной души? Наконецъ, что подумаетъ онъ о справедливости людской, объ отношеніяхъ между сильными и слабыми?..

Но, скажетъ иной учитель, все это фантазіи. Что за тонкая такая духовная организація у деревенскаго мальчишки? Что за нѣжная впечатлительность? — А у тебя

какова душа? Не она ли черства и мертва, если ты не замѣчаешь въ другихъ духовной красоты? Не ты ли самъ лишенъ впечатлительности и нѣжности? Учителя! Если вы не видите въ вашихъ ученикахъ хорошихъ душевныхъ качествъ, то—первѣе всего—позаботьтесь о вашемъ духовномъ зрѣніи, ибо вы слѣпы! И пусть цѣлительнымъ средствомъ для васъ будетъ любовь ваша къ вашимъ ученикамъ. Любите ихъ и, любя, относитесь къ нимъ съ бережной осторожностью.

Лишь она, эта любовь, можетъ поставить васъ въ правильныя къ нимъ отношенія, и лишь она дастъ вамъ внутреннее право на наказаніе, ибо сказано: любя, наказываю.

Но также лишь она и предохранитъ васъ отъ великой опасности, которая всегда грозитъ учителю, опасности ошибиться при наложеніи наказанія.

Подумайте только. Вѣдь какъ бы ученикъ ни оправдывался, будучи наказанъ, въ глубинѣ души онъ не можетъ не сознавать справедливости наказанія, если онъ наказанъ по заслугамъ; во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ не сознавать своей вины, смутно, неясно, вопреки самому себѣ, но все-таки сознавать. И обратно, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣзненнѣе каждый ученикъ понимаетъ, что онъ наказанъ несправедливо, если это дѣйствительно случится. Внѣшними проявленіями здѣсь не надо обманываться, потому что они могутъ быть искусственны, являться своего рода маской, надѣваемой на себя ученикомъ изъ молодечества, школьническаго задора, ложнаго самолюбія.

Если взвѣсить все это, то что долженъ чувствовать учитель, увидавъ, что несправедливо наложилъ наказаніе? Мнѣ случалось бывать въ такомъ положеніи, и я не знаю чувства горше, тягостнѣе, мучительнѣе. Избави Богъ отъ него всякаго учителя!

Но далѣе. Сознавъ свою несправедливость учитель долженъ исправить ее, и это также представляетъ большія трудности. Величайшую ошибку сдѣлаетъ тотъ учитель, который вздумаетъ заглаживать свою вину усиленной лаской. Это было бы сочтено, и весьма основательно, за

признакъ слабости, — и тогда конецъ авторитету учителя, конецъ уваженію къ нему, конецъ воспитательному вліянію! Я думаю, что единственное — но и безусловно необходимое — средство въ такомъ печальномъ случаѣ, это откровенно сознаться въ своей ошибкѣ, признать ученика невиноватымъ, а себя неправымъ. Всякій ли учитель на это рѣшится? Долженъ рѣшиться всякій. И это не то, что заискивающая ласка, о которой я говорилъ выше. Она — признакъ слабости, а я предлагаю мужественное признаніе своей ошибки, что есть признакъ духовной силы.

Однако, на это легко услышать возраженіе, что учителю не слѣдуетъ становиться къ ученику въ такія интимныя отношенія. О, оставьте это! Довольно уже пробовали руководиться въ воспитательномъ дѣлѣ соображеніями, умѣстными развѣ только гдѣ-нибудь въ арестантскихъ ротахъ. Хорошаго ничего не вышло. Мѣриломъ поступковъ учителя должно быть ихъ нравственное достоинство. Всякія постороннія соображенія — объ умѣстности или неумѣстности ихъ, объ охраненіи авторитета и пр., — здѣсь не только излишни, но и совершенно бессмысленны. Въ хорошемъ дѣлѣ непозволительно и нецѣлесообразно только нехорошее. Имѣйте же мужество быть хорошими людьми. И объ ученикахъ вашихъ не думайте дурно, не ставьте ихъ низко, — думайте о нихъ хорошо и ставьте ихъ высоко. Не бойтесь этого.

III.

Можно опредѣлить воспитаніе такимъ образомъ: оно есть забота о развитіи въ ученикѣ хорошихъ навыковъ, умственныхъ, нравственныхъ, физическихъ, при чемъ слово „навыки“ принимается въ самомъ широкомъ смыслѣ. Опредѣленіе это очень неполно, но оно даетъ исходную точку для выясненія смысла наказаній.

Хорошіе навыки образуются двумя путями: положительнымъ, когда человѣкъ старается дѣлать хорошее, и отрицательнымъ, когда онъ старается избѣгать дѣлать дурное.

Въ первомъ случаѣ учитель ставитъ дѣятельности ученика хорошія цѣли и совѣтомъ, указаніемъ, примѣромъ

помогаетъ ему достигать ихъ. Во второмъ онъ или удерживаетъ ученика отъ дурнаго, или, если ученикъ уже сдѣлалъ что-нибудь дурное, старается удерживать его отъ повторенія.

Но какъ этого достигнуть?

Иногда довольно указанія, разъясненія. Хорошему учителю, т.-е. такому, вліяніе котораго на учениковъ сильно, въ большинствѣ случаевъ къ другимъ мѣрамъ и не приходится прибѣгать. Поговорить такой учитель съ ошибившимся ученикомъ, разъяснить ему, въ чемъ его ошибка, откроетъ ему такую сторону его поступка, которой ученикъ раньше не замѣтилъ, — и къ радости своей увидить, что ученикъ, вѣрящій ему, привыкшій внимательно прислушиваться къ его словамъ, проникнутымъ мудростью и любовью, что ученикъ уже старается впередъ избѣгать ошибки своей. Къ счастью и радости можно сказать, что это не рѣдкость, что такихъ учителей и учениковъ не мало.

Но не мало и другихъ.

Встрѣчаются иногда ученики, для которыхъ слово — звукъ пустой, безслѣдно проносящійся мимо слуха. Еще чаще встрѣчаются учителя, не сумѣвшіе укрѣпить передъ учениками своего вліянія. — Тогда приходится прибѣгать къ наказаніямъ.

Ясно, что на дурной поступокъ, если онъ не совершенъ безсознательно, наводитъ ученика та выгода, или то удовольствіе, которыя съ ними связаны. И вотъ, если между послѣдствіями поступка оказываются также и непріятныя, и притомъ такія, что превосходятъ по силѣ послѣдствія пріятныя, то ученикъ, помня о нихъ, и получаетъ побужденіе удерживаться отъ дурнаго поступка. А удержавшись разъ и другой и третій, онъ уже не пріобрѣтаетъ дурной привычки. Такимъ непріятнымъ послѣдствіемъ дурнаго поступка и является наказаніе. Слѣдовательно, смыслъ наказанія въ его вліяніи на будущіе поступки учениковъ; къ прошедшимъ, уже совершеннымъ, поступкамъ оно собственно отношенія не имѣетъ, хотя и вызывается ими. И уже, конечно, менѣ всего оно можетъ считаться возмездіемъ или мстью за нихъ.

Не говоря уже о томъ, что месть есть вообще нѣчто дурное, а дурному не должно быть мѣста въ отношеніяхъ учителя къ ученику,—слѣдуетъ помнить, что положеніе учителя и ученика кореннымъ образомъ различно. Учитель по отношенію къ ученику не живетъ самъ для себя, своими чувствами и желаніями; все, что онъ дѣлаетъ, онъ долженъ дѣлать сознательно и обдуманно, имѣя въ виду лишь одну цѣль: пользу ученика. Но месть есть удовлетвореніе собственнаго злобнаго чувства; цѣль ея—нанести вредъ другому, а себѣ получить нѣкоторое (очень скверное) удовольствіе. Итакъ, наказаніе, какъ месть ученику, было бы чистой безсмыслицей.

Но не есть ли наказаніе средство для самого ученика успокоить свою совѣсть, искупить страданіемъ свою вину? Не думаю. Такое искупленіе предполагаетъ, во-первыхъ, чрезвычайно тонко развитое нравственное чувство, едва ли въ этой формѣ мыслимое въ дѣтяхъ; во-вторыхъ, едва ли вообще искупленіе можетъ успокоить смущенную совѣсть, если провинившійся подчиняется ему не добровольно, а противъ воли, принужденный къ тому посторонней силой, съ которой онъ не можетъ бороться.

Если, однако, значеніе наказанія ограничивается предупрежденіемъ дурныхъ поступковъ, то очевидно, что ученикъ не дѣлаетъ ихъ изъ страха передъ наказаніемъ лишь тогда, когда опасается, что оно, наказаніе, наступитъ. А такъ какъ наступитъ оно можетъ лишь въ томъ случаѣ, если о поступкѣ узнаетъ учитель, то слѣдовательно, если ученикъ не будетъ опасаться этого, онъ и не воздержится отъ дурнаго поступка. Это соображеніе въ высшей степени важно: оно чрезвычайно ограничиваетъ значеніе наказаній. Ошибается поэтому тотъ, кто думаетъ на наказаніяхъ строить всю свою систему воспитанія. Наказаніямъ должно быть отведено въ этой системѣ самое скромное, послѣднее мѣсто.

Вѣдь наша обязанность—кореннымъ образомъ отвратить ученика отъ самой склонности совершать дурные поступки. А для этого мы должны объяснить ему, что дурное дурно, и почему оно дурно, такъ, чтобы въ немъ развилось отвращеніе къ дурному.

Но этого мало. Вырвавъ дурную траву, надо посѣять хорошую. Предотвративъ, такъ или иначе, совершеніе дурныхъ поступковъ учениками, надо направить ихъ волю къ совершенію хорошихъ. Въ этой, и только въ этой, положительной работѣ весь смыслъ воспитанія и вся его радость. Но какія для этого существуютъ средства? — О, главное изъ нихъ столь же трудно, сколь необходимо для обѣихъ сторонъ. Это средство — нравственная высота учителя. Учитель прежде всего долженъ воспитать самого себя, такъ, чтобы, идя къ свѣтлой вершинѣ нравственного совершенства, онъ могъ влечь за собой и ученика. Тогда все, что будетъ говорить учитель ученику, все, чѣмъ онъ будетъ разъяснять ему хорошее, почему хорошее хорошо, почему его надо любить, почему къ нему надо стремиться, — всѣ эти слова учителя будутъ непобѣдимо сильны; они будутъ таковы потому, что будутъ исходить изъ глубины духа учителя и находить себѣ подтвержденіе во всей его жизни. Воспитаніе дѣло богоугодное по преимуществу, потому что все оно — въ обоюдной помощи на пути къ совершенству. Я говорю: обоюдной. Ибо если учитель по самому своему назначенію долженъ помогать ученику въ его совершенствованіи, то въ этой же самой работѣ онъ долженъ находить и силу къ ней. Каждый шагъ впередъ, который дѣлаетъ ученикъ, заставляетъ учителя думать, углубляясь въ себя, имѣетъ ли онъ нравственное право помогать другому человѣку въ его стремленіи къ его небесной цѣли, достоинъ ли онъ взять на себя такую важную и великую задачу. А въ такомъ самоиспытаніи — первый залогъ нравственного движенія впередъ.

Когда я размышляю о воспитаніи, оно мнѣ всегда рисуется въ видѣ свѣтлаго, радостнаго общества друзей, гдѣ все направлено къ хорошему, гдѣ во взаимной любви и довѣріи обѣ стороны стараются сдѣлаться лучше и лучше, гдѣ всѣ чувства добры, гдѣ всѣ мысли хороши, гдѣ между всѣми царствуетъ ясная, откровенная, радостно-улыбающаяся любовь! Знаютъ ли всѣ учителя, какъ они счастливы?..

И тѣмъ не менѣе наказанія иногда необходимы. Только они не зло со стороны учителя, а добро. Учитель, наказывая, причиняетъ ученику непріятность, съ такимъ же добрымъ намѣреніемъ и съ такимъ же тяжелымъ чувствомъ, съ какими мать, безумно любящая своего ребенка, передаетъ его, разрывая свое сердце, въ руки хирурга, чтобы онъ произвелъ ему мучительную операцію, единственное средство спасти ему жизнь. Въ давнія времена заставляли учениковъ цѣловать ту розгу, которой они только что были высѣчены; по формѣ это было безобразно, — по смыслу это была глубокая истина.

Но, конечно, не однимъ этимъ настроеніемъ учителя характеризуется наказаніе. Надо опредѣлить и тѣ качества, которыя оно должно имѣть само по себѣ.

И прежде всего, оно должно быть чувствительно; иначе оно теряетъ всякій смыслъ и становится непріятностью, причиняемой ученику безъ всякой цѣли. Оно должно быть чувствительно для того, чтобы ученикъ опасался вторично ему подвергнуться. Странное дѣло: это такъ ясно, а между тѣмъ противъ этого такъ часто грѣшатъ. Я зналъ одного учителя, котораго по справедливости должно было считать выдающимся. И тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ нелѣпый обычай ставить учениковъ, сдѣлавшихъ въ диктантѣ болѣе опредѣленнаго числа ошибокъ, на нѣсколько мгновеній на колѣни. Не говорю уже о безцѣльности такого наказанія за недочеты въ ученіи; но какой вообще смыслъ имѣлъ этотъ пріемъ? Физической непріятности онъ не причинялъ никакой, ибо стояніе на колѣняхъ длилось нѣсколько мгновеній; стыда не вызывалъ также никакого, ибо повторялся часто, и ученики къ нему совершенно привыкли. Очевидно, что прекрасный учитель поступалъ здѣсь крайне неудачно потому, что видѣлъ гдѣ-нибудь этотъ пріемъ и перенялъ его, не подумавъ; не подумавъ, продолжалъ и примѣнять его. Но пріемъ этотъ не только былъ бесполезенъ, — онъ былъ и вреденъ, ибо сводилъ наказаніе на степень пошлой комедіи, между тѣмъ какъ оно должно быть важнымъ и печальнымъ моментомъ въ школьной жизни.

Нелишне здѣсь замѣтить кстати, что если вредны недѣйствительныя наказанія, то еще вреднѣе неисполненныя угрозы. «Я тебя накажу, я тебя поставлю въ уголъ, я сдѣлаю съ тобой то-то и то-то», кричить, не замолкая, слабый учитель, и чѣмъ больше онъ кричитъ, тѣмъ менѣе обращаютъ на него вниманія ученики, ибо каждая новая неисполненная угроза есть новое доказательство его слабости. А слабость тамъ, гдѣ должно ожидать твердости, не только не внушаетъ уваженія, но вызываетъ вполне законное презрѣнiе и желанiе ею пользоваться. Но вредъ идетъ еще дальше. Слабый учитель не только не имѣетъ возможности исполнять свою воспитательную работу, но вызываетъ въ ученикахъ злыя, дурныя чувства. Если наказываетъ учитель твердый, то наказанiе въ глазахъ учениковъ законно, какъ результатъ внутренняго превосходства учителя. Если же рѣшится, наконецъ, наказать слабый учитель, то ученики считаютъ это, и не безъ основанія, выходкой учителя, его капризомъ. Наказанiе основывается здѣсь не на правѣ, дѣйствительно принадлежащемъ дѣйствительному превосходству, а на правѣ, случайно связанномъ съ положенiемъ, которое случайно занимаетъ человѣкъ, въ сущности его недостойный. И это вызываетъ въ ученикахъ озлобленiе, ненависть, обдуманное неповиновенiе. Поэтому всякая угроза должна быть исполнена, даже угроза, нечаянно сорвавшаяся съ языка. Лучше перенести тяжелое чувство, связанное съ наложенiемъ несправедливаго наказанія, чѣмъ допустить зародиться въ своихъ отношенiяхъ къ ученикамъ язвѣ презрительнаго отношенiя къ угрозамъ. А если это такъ, то до какой же степени долженъ учитель быть всегда на сторожѣ, всегда владѣть собой, не допускать въ своихъ отношенiяхъ къ ученикамъ случайностей, неожиданныхъ вспышекъ. Конечно, это очень трудно. Но что дѣлать? Учительское дѣло—не изъ легкихъ.

Возвращаюсь къ наказанiямъ.

Какъ опредѣлить, когда наказанiе чувствительно, даже въ физическомъ отношенiи? Это почти невозможно, по-

тому что очень многое здѣсь зависитъ отъ выносливости и впечатлительности каждаго отдѣльнаго ученика.

Но я думаю, во всякомъ случаѣ, что быть особенно боязливымъ при рѣшеніи этого вопроса не слѣдуетъ.

Я упоминаю объ этомъ потому, что въ послѣднее время очень много говорятъ о физическомъ состояніи учениковъ и на основаніи разныхъ научныхъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ, соображеній вдаются здѣсь въ трусливую крайность. Надо смотрѣть на вещи прямо и признавать, что, по той или другой причинѣ, люди вообще гораздо выносливѣе, чѣмъ это можно предположить теоретически, и не увлекаться этой теоріей, потому что она можетъ повести къ излишней слабости.

Но, конечно, эта крайность безконечно менѣе опасна, чѣмъ противоположная, которая выражается въ чрезмѣрной суровости и даже жестокости съ дѣтьми. Нѣтъ на человѣческомъ языкѣ достаточно сильныхъ словъ, чтобы по заслугамъ клеймить ее, нѣтъ предѣловъ тому негодованію, которое она должна вызывать. А между тѣмъ, — какъ это ни невѣроятно, — жестокость съ дѣтьми не исчезла изъ нашихъ школъ. Увы, я самъ зналъ учителя, который высылалъ въ наказаніе своихъ учениковъ въ одѣхъ рубахахъ на морозъ. И мало ли что еще творится! Въ одной сельской школѣ помощникъ началъ щипать и бить учениковъ. Ему нельзя было поставить этого въ вину, потому что онъ самъ былъ почти мальчишка. Но странно было то, что учитель, занимавшійся съ нимъ въ одной комнатѣ и, слѣдовательно, знавшій это, ничего не предпринялъ по этому поводу. Я узналъ объ этомъ безобразіи лишь по жалобамъ родителей. Здѣсь я легко могъ прекратить его однимъ нагоняемъ, заданнымъ и помощнику, и учителю. Но не всегда это бываетъ такъ просто, и напр. такому господину, какъ описанный выше, доказывать преступность его поступковъ — бесполезно: онъ этого не пойметъ. Зло это могутъ предотвратить лишь сами учителя. Пусть знаютъ они, что въ сельской школѣ не все обстоитъ благополучно, пусть знаютъ они, что между ними есть безобразныя исключенія! Не закрывая

на зло глазъ, они могутъ искоренить его взаимнымъ вліяніемъ, презрѣніемъ, выказываемымъ недостойнымъ учителямъ, всѣми тѣми мѣрами, которыя подсказываются сознаніемъ, что для каждаго учителя должна быть дорога не только его личная школа, а всѣ школы, разбросанныя по необъятному лицу земли русской, все русское народное образованіе и воспитаніе въ его совокупности.

Но не объ одной физической жестокости надо при этомъ думать. Еще ужаснѣе жестокость нравственная, та жестокость, которую проявилъ бы учитель, если бы сдѣлалъ наказаніе обиднымъ для ученика, если бы затронулъ имъ его честь. Но такое наказаніе было бы и внутреннимъ противорѣчіемъ. Ибо наказаніе имѣетъ цѣлью дать полную возможность развиться хорошимъ свойствамъ ученика. А честь именно и есть внѣшнее выраженіе этого внутренняго достоинства человѣка. Слѣдовательно, оскорбляя ее, унижая провинившагося, учитель губить именно то, что онъ долженъ стремиться развить, и этимъ самъ уничтожаетъ всякую возможность успѣха. Наказывая, учитель долженъ думать не о дурномъ, что онъ замѣтилъ въ ученикѣ, а о хорошемъ, что въ немъ есть. Онъ долженъ говорить себѣ, что хорошая основа въ душѣ ученика закрыта такими-то и такими-то дурными наслоеніями, и его, учителя, задача есть снять эти дурныя наслоенія.

Поэтому, Боже избави учителя позволить себѣ какую-нибудь насмѣшку надъ ученикомъ, какое-нибудь злорадовство при наложеніи наказанія. Наоборотъ, по самому существу дѣла наказываемый ученикъ требуетъ къ себѣ особой внимательности и заботы, особенно бережнаго отношенія: вѣдь онъ переживаетъ тяжелое душевное состояніе, изъ котораго онъ долженъ выйти очищеннымъ и просвѣтленнымъ. При наказаніи есть мѣсто только огорченію по поводу того, что его пришлось наложить, и радости, когда окажутся хорошіе плоды его.

Итакъ, изъ школы должны быть изгнаны всѣ позорящія наказанія, которыя прежде были такъ любимы, — если они еще гдѣ-нибудь существуютъ. Впрочемъ, одно такое наказаніе несомнѣнно и сейчасъ пользуется широкимъ

распространеніемъ; я говорю о стояніи въ углу. Ставя въ уголъ, учитель какъ бы говорить: «Смотрите на этого негодного ученика!» Лучше всего, поэтому, избѣгать этой мѣры, а если ужъ ставить въ уголъ, то развѣ только въ виду той физической усталости, которую можетъ при этомъ испытать ученикъ.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы наказаніе было безразлично. Наоборотъ, всякое наказаніе непременно вызываетъ въ душѣ наказаннаго горькое чувство. Но это чувство не должно быть чувствомъ обиды, а имѣть корнемъ то, что вообще пришлось претерпѣть наказаніе; слѣдовательно, оно отнюдь не должно проистекать изъ его обидной формы. Оно исходитъ изнутри, а не прибавляется извнѣ. Оно есть начало раскаянія, первый шагъ на пути къ исправленію, и если бы его не было, то пришлось бы отчаяться въ наказанномъ ученикѣ.

Но нельзя опредѣлить, какъ дѣйствуетъ то или другое наказаніе. Рѣшающую роль играетъ здѣсь личность ученика. Иной бываетъ такъ чувствителенъ, что малѣйшая укоризна дѣйствуетъ на его душу болѣзненно, а потому и является для него наказаніемъ, достаточно сильнымъ; другаго же, какъ говорится, «ничѣмъ не прошибешь». Разъ у меня на урокъ чѣмъ-то провинился одинъ очень хорошій и нѣжный ученикъ. Я отнесся къ нему невнимательно и приказалъ ему «стать къ печкѣ». (Тогда я еще употреблялъ эту глупую мѣру.) Черезъ мгновеніе я на него взглянулъ—и испугался: лицо его было блѣдно, губы дрожали, глаза полны слезъ. Конечно, я поспѣшилъ посадить его на мѣсто; добавлю, что это наказаніе было для него не только первымъ, но и послѣднимъ; мнѣ не пришлось болѣе сдѣлать ему даже замѣчанія. Въ то же время я знаю про одного мальчика, который, каждый разъ, когда его ставили въ уголъ, начиналъ весело разговаривать со всѣми неодушевленными предметами, его окружавшими.

Уже изъ сказаннаго видно, что наказанія имѣютъ разныя степени. Такъ должно быть и по существу дѣла. И притомъ именно различіе характеровъ учениковъ является

главнымъ основаніемъ при составленіи, такъ сказать, лѣстницы наказаній.

Воспитаніе немислимо, если оно не приспособляется къ каждому отдѣльному лицу. Ученикъ есть прежде всего человѣкъ, съ живою душою, съ ея особенными свойствами и вѣчными задачами. Эта душа, поэтому, имѣетъ право на самое внимательное къ себѣ отношеніе, которое дало бы ей свободу: безъ свободы не можетъ она исполнить своего жизненнаго назначенія. Неосторожное вмѣшательство въ ея развитіе, неловкое давленіе, оказанное на нее, все это можетъ, во искаженіе ея природы, заглушить ея благія свойства или развитъ то, чему не слѣдовало бы развиваться. Иного стыдливаго, нѣжнаго, впечатлительнаго ученика можно своей неосторожностью чуть что не убить душевно, а другаго, наоборотъ, можно легко вызвать на грубое сопротивленіе и тѣмъ развитъ въ немъ и безъ того сильную его склонность къ непокорству, самомнѣнію, безумной борьбѣ. — И Боже мой, какъ часто это случается!

Это безконечное разнообразіе человѣческихъ характеровъ не даетъ возможности сдѣлать здѣсь хоть какія-нибудь подробныя указанія, кромѣ одного, самаго общаго: учитель долженъ быть какъ можно внимательнѣе къ душевнымъ особенностямъ своихъ учениковъ, какъ можно бережнѣе касаться душевныхъ ихъ струнъ.

Не менѣе невозможно составить лѣстницу наказаній въ зависимости отъ размѣровъ вины. И здѣсь надо ограничиться общимъ правиломъ: чѣмъ, вообще говоря, сильнѣе вина, тѣмъ должно быть сильнѣе и наказаніе. Но ошибочно было бы думать, что основаніемъ этого соотвѣтствія является какъ бы желаніе воздать равнымъ за равное, отомстить. Я уже говорилъ, что эта мысль должна быть изъята изъ воспитанія. Дѣло обстоитъ совершенно иначе. Такъ какъ дурной поступокъ совершается всегда, сознательно или безсознательно, изъ желанія получить какое-нибудь удовольствіе, то можно предположить, что на поступки очень дурные ученикъ рѣшается изъ-за надежды на очень большое удовольствіе. Но мы

видѣли, что наказаніе имѣетъ своей цѣлью побѣдить въ будущемъ, при желаніи повторить дурной поступокъ, это ожидаемое удовольствіе ожиданіемъ другаго рода, ожиданіемъ непріятности отъ наказанія. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе ожидается удовольствіе, тѣмъ болѣе должнаждаться и непріятность: иначе страхъ наказанія не побѣдитъ желанія совершить дурной поступокъ. — Другое соображеніе приводитъ къ тому же выводу. Наказывая, учитель причиняетъ непріятность, что само по себѣ дурно. Всякій учитель долженъ желать не быть въ необходимости причинять ее или, по крайней мѣрѣ, желать причинять ее въ возможно малой степени. Слѣдовательно, если проступокъ ученика малъ, то, въ надеждѣ исправить малымъ наказаніемъ, учитель и не долженъ налагать сильнаго. Если же проступокъ великъ, и повтореніе его совершенно недопустимо, то учитель, очевидно, долженъ, не смущаясь, сильной мѣрой сразу же искоренить всякую попытку къ нему.

Но этимъ дѣло и ограничивается. Такимъ образомъ, я считаю совершенно неосновательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неисполнимымъ на практикѣ, требованіе тѣхъ педагоговъ, которые хотятъ, чтобы наказаніе по характеру своему соотвѣтствовало винѣ.

Сказаннымъ исчерпываются общія соображенія о наказаніяхъ. Но необходимо остановиться еще на различныхъ формахъ ихъ.

Простѣйшая форма есть упрекъ, укорительный взглядъ или слово. Это наказаніе чрезвычайно интересно, потому что на немъ выясняется одна изъ существеннѣйшихъ, если не самая существенная сторона воспитанія.

Если окрикнуть ученика за какую-нибудь шалость, то, естественно, онъ прекратитъ ее. Но естественно также ожидать, что онъ повторитъ ее, и тогда учителю придется окрикнуть громче, — и т. д. Того, въ чемъ весь смыслъ наказанія, предупрежденія привычки, очевидно, не произойдетъ. Отчего? Оттого, что окрикъ, укоръ сами по себѣ нисколько не страшны для ребятъ. Но они могутъ получить чрезвычайное значеніе и сдѣлаться средствомъ,

крайне дѣйствительнымъ, при одномъ условіи. Окрикъ самъ по себѣ не страшенъ, но онъ страшенъ, какъ выраженіе неудовольствія учителя—для того ученика, который дорожитъ его расположеніемъ. Слѣдовательно, въ этомъ все дѣло. Безрезультатный самъ по себѣ пріемъ получаетъ важное значеніе—при правильныхъ отношеніяхъ между учителемъ и учениками,—и учитель, прежде чѣмъ думать о наказаніяхъ, долженъ думать о томъ, чтобы ученики цѣнили его авторитетъ.

То же относится и ко всѣмъ другимъ наказаніямъ и прежде всего къ слѣдующему за укоромъ, къ болѣе или менѣе строгому выговору. При этомъ я думаю, что выговоръ есть главная мѣра, къ которой учитель можетъ прибѣгать. Онъ—наилучшая мѣра потому, что есть мѣра чисто духовнаго свойства, а въ то же время, если ученики дорожатъ мнѣніемъ учителя, и достаточно сильная, т.-е. отвѣчающая требованію, чтобы наказаніе было чувствительно.

Но скажутъ, что же дѣлать, если ученики не относятся такъ къ учителю? Какой совѣтъ можно ему дать относительно наложенія наказаній?—Не знаю, какой. Кажется, только одинъ: отказаться отъ учительства, какъ отъ занятія, къ которому онъ явно негоденъ.

За этими основными наказаніями слѣдуютъ разныя физическія: пинки, стояніе въ углу, на колѣняхъ, оставленіе безъ обѣда и др.

Не хочется и говорить о нихъ: такъ они глупы по содержанію и такъ скверны по формѣ, и такъ легко, еще легче, чѣмъ къ выговорамъ, привыкаютъ къ нимъ ученики. Но тѣмъ не менѣе надо сдѣлать о нихъ нѣсколько замѣчаній. Я думаю, что разные толчки, подзатыльники, дранье за ухо, что все это можетъ быть совершенно изгнано изъ школьнаго употребленія. Въ легкой формѣ они настолько безболѣзненны, особенно для закаленныхъ крестьянскихъ ребятъ, что никакого впечатлѣнія произвести не могутъ и способны развѣ лишь возбудить вниманіе на нѣсколько мгновеній,—что, однако, можетъ быть достигнуто и словами. Въ той же степени, при которой ученикъ будетъ опасаться ихъ на будущее время, т.-е. въ

степени очень болѣзненной, они, очевидно, недопустимы, какъ по существу, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что здѣсь легко, по незнанію или увлеченію, нанести ученику серьезный вредъ. И поэтому лучше всего сдѣлаетъ тотъ учитель, который поставитъ себя правиломъ никогда не прикасаться къ своимъ ученикамъ съ цѣлью наказанія.

Что сказать о стояннѣ въ углу? Я пересталъ его при-мѣнять, какъ скоро нѣсколько обдумалъ вопросъ о наказаніяхъ, и никогда не раскаивался въ этомъ. Но, конечно, особенно возражать противъ этого наказанія нельзя, если только оно не связывается съ насмѣшками.

Нное дѣло стояніе на колѣняхъ. Эту мѣру любятъ очень многіе учителя, но по какому-то непостижимому ослѣпленію. Вѣдь это положеніе есть выраженіе нашего глубочайшаго смиренія передъ Творцомъ; стоя на колѣняхъ, мы молимся. Какъ можно стояніе на колѣняхъ считать за наказаніе?

Такимъ же недосмотромъ можно только объяснить и другую мѣру, оставленіе безъ пищи. Она есть—верхъ нелѣпости, кромѣ развѣ какихъ-либо исключительныхъ, ненормальныхъ случаевъ, примѣръ чего будетъ приведенъ дальше. И хорошо заниматься, и хорошо вести себя ученики могутъ только, чувствуя себя физически здоровыми. А голодъ вызываетъ чувство прямо противоположное. И потому изгонимъ эту мѣру, кромѣ той легкой ея формы, когда нѣсколько откладываютъ обѣдъ ученика, до исполненія имъ неисполненной своевременно работы. Но и тутъ надо смотрѣть, чтобы это не было слишкомъ долго, или чтобы наказанію этому не подвергся ученикъ слабый и хилый. Можно, конечно, также лишать особенно лакомыхъ кушаній, только чтобы при этомъ не понижалось общее питаніе.

Есть еще третье наказаніе, столь же неосновательное, это—оставленіе въ школѣ. Развѣ школа есть тюрьма, гдѣ тягостно находиться? Развѣ позволительно хоть чѣмъ-нибудь омрачать то свѣтлое впечатлѣніе, которое она должна производить на учениковъ, хоть чѣмъ-нибудь нарушать то любовное чувство, которое должны они къ ней питать?

Но если нельзя школу обращать въ тюрьму, то въ самой школѣ возможенъ своего рода арестъ, ибо можно отдѣлить провинившагося ученика отъ его товарищей. Эту мѣру я считаю чрезвычайно цѣлесообразной, если только за отдѣленнымъ ученикомъ будетъ соответственный надзоръ.

Можно даже сдѣлать и больше. Мнѣ случилось завѣдывать общежитіемъ въ 60 слишкомъ человекъ, притомъ такихъ, для которыхъ, по ихъ особому составу, требовалась дисциплина болѣе строгая, чѣмъ въ обыкновенныхъ школахъ. Однажды начались непорядки такого рода, что взыскивать съ отдѣльныхъ виновниковъ было нежелательно: проступки были крупные, и пришлось бы прибѣгать къ очень суровымъ мѣрамъ. Тогда я рѣшился, такъ сказать, арестовать всю школу, т.-е. не только не отпускать по праздникамъ тѣхъ, которые ранѣе пользовались отпусками, но и въ самой школѣ не позволять никому дѣлать шага безъ сопровожденія дядьки, держать закрытыми всѣ помѣщенія, гдѣ въ данную минуту находились ученики и т. д. Недѣли черезъ двѣ ко мнѣ явилась депутація изъ старшихъ (то были юноши лѣтъ по 17) и заявила, что я могу на нихъ положиться: они сами будутъ смотрѣть за товарищами и не допускать повторенія проступковъ, вызвавшихъ наказаніе. Я ихъ простилъ, школьная жизнь пошла обычнымъ порядкомъ, и ученики сдержали свое обѣщаніе.

Вообще же я думаю, что такъ какъ къ наказаніямъ приходится прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то форму ихъ можно чрезвычайно мѣнять, лишь бы они отвѣчали указаннымъ выше требованіямъ. Позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ собственной практики.

Я отпустилъ разъ изъ сельской школы трехъ учениковъ старшаго отдѣленія читать по покойнику, сказавъ, что они могутъ оставаться, сколько надо, но не далѣе, какъ когда покойника вынесутъ на кладбище. Вмѣсто того они явились только къ вечеру: оказалось, что ихъ зазвали на поминальный обѣдъ, да потомъ они еще куда-то зашли. Я объявилъ имъ на это объясненіе, что такъ

какъ они пропустили уроки, то я и на будущее время не буду ихъ спрашивать, не буду смотрѣть ихъ письменныхъ работъ и т. д.,—словомъ, не замѣчать ихъ. Такъ продолжалъ я ихъ цѣлыхъ два дня. Впечатлѣніе получилось страшное; наконецъ, произошло примиреніе. Само собою разумѣется, что послѣ этого не только эти три мальчика, но и остальные еще точнѣе прежняго исполняли мои требованія. Эти мальчики были изъ лучшихъ; но опытные учителя увѣряли меня, что эта мѣра дѣйствуетъ и на учениковъ, вообще не очень дорожащихъ мнѣніемъ учителя.

Нѣчто въ этомъ родѣ я сдѣлалъ и по другому поводу. По понедѣльникамъ ученики, жившіе въ общежитіи, т.-е. дальніе, часто опаздывали. Нерѣдко опаздываніе это имѣло законную причину, но еще чаще оно происходило по небрежности и не столько учениковъ, сколько ихъ родителей, во-время ихъ не привезшихъ и т. п. Разбирать каждый отдѣльный случай оказалось невозможнымъ. Тогда я рѣшился дать льготные полчаса и затѣмъ уже не принимать никакихъ оправданій. Тѣхъ, кто послѣ того опаздывалъ, я просто не пускалъ въ классъ до послѣобѣденныхъ уроковъ: хотите, сидите въ спальнѣ, хотите, играйте на улицѣ, читайте, спите,—мнѣ все равно, но классъ до 2 часовъ для васъ запертъ. Эта простая мѣра оказалась совершенно дѣйствительной; опаздыванія прекратились, хотя я знаю, что для нѣкоторыхъ являться къ назначенному времени было трудно.

Приведу еще одинъ случай, за который меня, можетъ быть, осудятъ мои читатели. Я требовалъ отъ учениковъ, чтобы они, послѣ того, какъ улягутся спать, и я потушу лампу въ спальнѣ, соблюдали уже полную тишину: горькій опытъ научилъ меня, что небольшой разговоръ шопотомъ двухъ сосѣдей легко переходитъ въ общую болтовню, а за болтовней еще легче слѣдуетъ общая возня. Отыскивать каждый разъ, съ кого началось, въ темнотѣ было невозможно. Неоднократно пытался я добиться своего напоминаніями, но соблазнъ, поболтать лежа въ постели, былъ слишкомъ великъ. И вотъ, разъ

послѣ такого разгорѣвшагося общаго разговора я заявилъ: «Если вы разговариваете, значить, вы не хотите спать; если не хотите спать, то нечего валяться на нарахъ. Вставайте же всѣ—кто васъ тамъ разберетъ, кто болталъ и возился—и идемъ въ классъ заниматься, ну, хоть чисто-писаніемъ». И, еле держась самъ на ногахъ отъ усталости, повелъ я моихъ несчастныхъ ребятъ въ 11-мъ часу ночи писать палочки! Наказаніе было дико по формѣ, но хорошо тѣмъ, что ученики приняли его съ нѣкоторымъ такъ сказать веселымъ добродушіемъ: ужъ очень чудно! Однако, послѣ этого стоило мнѣ только потушить лампу, какъ наступала тишина, почти невѣроподобная.

Заканчивая этотъ обзоръ наказаній, должно упомянуть, что каково бы наказаніе ни было, оно должно слѣдовать за виной немедленно. Нельзя говорить: помнишь, ты третьяго дня напашилиль или дурно исполниль работу, такъ вотъ тебѣ за это. Въ умѣ ученика, еще дѣтскомъ, а потому разсѣянномъ, должно твердо укорениться убѣжденіе, что совершать такой-то проступокъ непріятно, потому что за нимъ слѣдуетъ непріятное слѣдствіе въ видѣ наказанія. Но убѣжденіе это можетъ возникнуть лишь тогда, когда сами впечатлѣнія проступка и наказанія будутъ тѣсно связаны въ умѣ ученика; а это достигается прежде всего и лучше всего именно непосредственнымъ слѣдованіемъ одного за другимъ.

Въ заключеніе надо упомянуть еще объ одной мѣрѣ, которую также можно отнести къ наказаніямъ. Я говорю объ исключеніи учениковъ изъ школы. Конечно, оно не зависитъ отъ самого учителя, или не должно отъ него зависѣть. Во многихъ мѣстахъ на этотъ предметъ существуютъ особыя указанія Училищныхъ Совѣтовъ и инспекторовъ: но тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, учитель поступить благоразумнѣе, если будетъ дѣйствовать съ вѣдома и согласія начальства. Мѣра эта, крайне тяжелая, имѣетъ въ виду, конечно, не исключаемого, а остающихся учениковъ, которыхъ надо освободить отъ губельнаго товарищества. Исключаемый же является жертвой, и надо много подумать прежде, чѣмъ рѣшиться принести ее.

Особенно жестоко исключать учениковъ изъ сельской школы, потому что это значитъ лишать ихъ всякой возможности продолжать свое образованіе. Мнѣ, въ практикѣ сельской школы, пришлось прибѣгнуть къ этой мѣрѣ одинъ разъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ школѣ, куда я поступилъ учителемъ, былъ ученикъ, сынъ хорошихъ родителей, но испорченный до какого-то уродства. Ничто рѣшительно не вліяло на него и не могло удержать его отъ самыхъ мерзкихъ выходокъ; про ученіе уже нечего было и говорить. Наконецъ, онъ попался въ крупной кражѣ, и я исключилъ его, сказавъ, однако, родителямъ, что вновь приму его осенью, если за нимъ ничего не будетъ замѣчено до тѣхъ поръ. Лѣто прошло, по слухамъ, благополучно, и осенью я исполнилъ свое обѣщаніе. Недѣли двѣ-три все шло сносно, но и только; затѣмъ несчастный позволилъ себѣ выходку, о которой въ печати разсказать нельзя, и которая была тѣмъ гнуснѣе, что въ школѣ учились и дѣвочки. Негодованію учениковъ не было предѣловъ. Долго и много потолковавъ съ законоучителемъ и помощникомъ, я увидалъ себя въ необходимости вновь исключить очевидно совершенно уже погибшаго мальчика, и на сей разъ уже окончательно. Я слѣдилъ за нимъ потомъ еще нѣкоторое время и знаю, что въ 17 лѣтъ онъ былъ извѣстенъ повсюду своимъ дурнымъ поведеніемъ, и сверстники тщательно избѣгали его общества. Что съ нимъ было дальше, не знаю. Этому событію прошло уже много лѣтъ, но оно еще во всѣхъ мелочахъ живо передо мною, и, тщательно провѣряя свою совѣсть, я продолжаю думать, что не имѣлъ права передъ другими учениками поступить иначе.

Былъ въ моей практикѣ и другой подобный случай, но уже въ городѣ. Я принялъ въ свое завѣдываніе ремесленный пріютъ. Ранѣе того онъ долгое время былъ безъ всякаго надзора и, опускаясь все ниже, дошелъ до степени какого-то вертепа. Приходилось принимать мѣры особенныя. И вотъ, между другими мѣрами, я рѣшился на исключеніе трехъ мальчиковъ, которые являлись коноводами по всемъ дурномъ. Вѣроятно, они вернулись туда,

откуда попали въ пріютъ, т.-е. на Хитровъ рынокъ, но иначе я поступить не могъ, и такъ былъ убѣжденъ въ необходимости этой мѣры, что принялъ ее на свой страхъ и отвѣтственность, вопреки сильнымъ возраженіямъ со стороны членовъ учрежденія, которому былъ подчиненъ пріютъ.

Остается вопросъ о розгѣ. Нѣмецкіе, да и вообще, кажется, всѣ иностранные педагоги, высказываются рѣшительно за нее. Ихъ взглядъ можетъ быть лучше всего переданъ слѣдующими словами Дистервега: «Несчастлива та школа, въ которой властвуетъ розга. Но еще несчастнѣе та школа, которая не имѣетъ права прибѣгать къ розгѣ, какъ къ крайнему средству (*ultima ratio*)». — Въ практикѣ русской народной школы розга не употребляется. Это даетъ мнѣ право обойти вопросъ о ней молчаніемъ.

До сихъ поръ я говорилъ только о наказаніяхъ, не касаясь проступковъ, которые могутъ ихъ вызывать. Да подробное разсмотрѣніе ихъ въ этой связи и излишне и даже невозможно. Но надо различать наказанія за дурныя занятія и за дурное поведеніе.

Вообще говоря, въ лѣни учениковъ обыкновенно виноваты учителя, даже не неудачно составленныя программы, а именно учителя. Послѣднее доказывается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что съ одной стороны лѣнливые ученики встрѣчаются вездѣ, въ школахъ всѣхъ типовъ, а съ другой постоянно можно видѣть, какъ одинъ и тотъ же классъ, одинъ и тотъ же ученикъ, занимающійся лѣнливо у одного учителя, весь обращается въ прилежаніе, какъ скоро попадаетъ къ другому. Но, скажутъ, обыкновенно бываетъ иначе, обыкновенно классы бываютъ пестры, и съ прилежными, и съ средними, и съ лѣнливыми учениками. Совершенно вѣрно. Но кто станетъ отрицать, что чаще, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, преподаваніе ведется если не совсѣмъ дурно, то во всякомъ случаѣ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало?

Но за всѣмъ тѣмъ, конечно, остаются такіе ученики, которые лѣнливы сами по себѣ. Если они лѣнливы по бо-

лѣзни, то ихъ, разумѣется, надо лѣчить. Но если по природѣ? Въ такомъ случаѣ приходится прибѣгать къ наказанію, чтобы ученики, изъ боязни претерпѣть его, побѣждали въ себѣ склонность къ пріятному ничего-не-дѣланію.

Лѣнящійся ученикъ совершаетъ два проступка. Во-первыхъ, онъ не получаетъ нужныхъ ему знаній; во-вторыхъ, онъ укрѣпляется въ пороки лѣни. Забота учителя должна быть направлена въ первую сторону, такъ какъ здѣсь главная школьная потеря ученика: что онъ не выучилъ, того и не знаетъ, и это можно вполне точно опредѣлить; что же до порока лѣни, то онъ не сразу развивается, какъ равно не сразу можно отъ него и освободиться. Поэтому наказаніемъ за лѣнь можетъ быть только понужденіе исполнить неисполненное. Въ то время, когда другіе свободны, учитель долженъ взять лѣниваго ученика и, не отходя отъ него ни на шагъ, заставить его выучить невыученный урокъ, исполнить неисполненную работу и т. д. Скажутъ, это очень тяжело для учителя. Да, чрезвычайно. Но, повторяю, кто же могъ думать, что учительское дѣло—легко?!

Лишеніе свободы, принудительный трудъ въ то время, когда товарищи отдыхаютъ и веселятся, вотъ тѣ непріятныя чувства, которыя могутъ заставить лѣниваго ученика побѣждать впредь свою лѣнь. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ достигается и основная задача школы, т. - е. ученикъ узнаетъ то, что ему надо узнать, но чего онъ не узналъ доселѣ. И это главное. Борьба же собственно съ лѣнью состоитъ въ упражненіи въ трудѣ.

Но вотъ на что надо обратить вниманіе. Наказаніемъ здѣсь служить какъ бы ученіе. На первый взглядъ это представляется какъ бы нелѣпостью: вѣдь ученіе есть собственно та цѣль, для которой ученикъ поступаетъ въ школу. Да, но такъ это вытекаетъ здѣсь изъ самаго существа дѣла. Зато и бываетъ это только здѣсь. Нѣтъ нужды объяснять, что бессмысленно употреблять учебныя занятія, какъ наказаніе, въ другихъ случаяхъ; бессмысленно, напр., заставлять ученика за шалость переписать что-нибудь. Вѣдь поступать такъ, значить, дѣйствительно,

признавать ученье дѣломъ тяжелымъ, непріятнымъ, т.-е. подрывать всю школьную дѣятельность въ самомъ ея корнѣ.

Бываютъ, однако, случаи болѣе трудные. У меня былъ ученикъ, не только способный, но даже талантливый; въ то же время лѣнь его не имѣла предѣловъ. Мало того, что онъ ничего не дѣлалъ на урокахъ, онъ и все свободное время проводилъ на печи и въ самой полной и блаженной праздности. Испробовавъ рѣшительно все, что могъ придумать, я наконецъ прибѣгнулъ къ худшему наказанію, которое только можетъ быть, и которое, строго говоря, слѣдуетъ признавать непозволительнымъ: я началъ оставлять лѣнтяя безъ обѣда. И что же?—онъ началъ заниматься. Повидимому, голодъ былъ единственное чувство, понятное для этого несчастнаго, дошедшаго или доведшаго себя до полуживотнаго состоянія. Но средство это было столь скверно, что я сознаю свою ошибку и увѣренъ, что болѣе опытный учитель нашелъ бы какое-нибудь другое, лучшее.

Очевидно, далѣе, что никакія иныя наказанія за лѣнь, которыя нерѣдко употребляются, не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Нельзя лѣниваго или невнимательнаго ученика за какой-нибудь дурно написанный диктантъ или нерѣшенную задачу ставить въ уголъ, выгонять изъ класса и т. п. Все это лишь даетъ ему лишній случай быть празднымъ, т.-е. такъ сказать упражняться въ своемъ недостаткѣ, а слѣдовательно, и укрѣпляться въ немъ. Сверхъ того, всѣ такія наказанія приносятъ явный ущербъ собственно учебному дѣлу.

Впрочемъ, надо сказать, что если ученикъ и можетъ по лѣни не исполнить заданной работы, то исполнить дурно работу въ классѣ по злой волѣ онъ не можетъ никакимъ образомъ. Пбо нерадивыхъ и невнимательныхъ учениковъ въ классѣ у хорошаго учителя никогда не бываетъ. Бываютъ ученики слабые, но имъ надо помогать, а не наказывать ихъ.

Въ заключеніе могу только повторить, что единственное средство побѣдить лѣнь ученика есть упражнять его въ трудѣ.

Другое дѣло наказанія за дурное поведеніе во всѣхъ его видахъ, отъ мелкихъ недозволенныхъ шалостей, до крупныхъ проступковъ. Въ такихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, приходится иногда прибѣгать къ наказаніямъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Но, налагая ихъ, надо каждый разъ уяснять себѣ происхожденіе вины. Сплошь да рядомъ ученикъ можетъ провиниться по незнанію.

Напримѣръ. Многолѣтнее мое общеніе съ деревенскими школьниками показало мнѣ, что всѣ они въ высшей степени чисты и стыдливы въ своихъ помыслахъ и выраженіяхъ. И тѣмъ не менѣе, съ ихъ устъ срываются иногда слова, нетерпимыя до грубости. Было бы верхомъ несправедливости обвинять ихъ въ такихъ случаяхъ въ дурномъ настроеніи. Грубость выраженій является здѣсь просто плодомъ незнанія и безсознательной привычки, *приобрѣтенной въ грубой деревенской обстановкѣ*, гдѣ, кстати сказать, наиболѣе грубыми являются часто не сами крестьяне, а лица иныхъ сословій, съ ними соприкасающіяся. Надо слѣдовательно, объяснить дѣтямъ, чѣмъ дурны употребленныя имъ выраженія, и затѣмъ стараться отучить ихъ непрестаннымъ напоминаніемъ. Если же это не поможетъ, то можно прибѣгнуть и къ наказаніямъ. Но при этомъ надо твердо помнить, что наказаніе употребляется здѣсь съ единственной цѣлью сдѣлать напоминаніе болѣе дѣйствительнымъ, помочь дѣтямъ держать его въ умѣ; никакой собственно вины оно въ нихъ не предполагаетъ.

Такихъ обстоятельствъ можетъ быть очень много. Я учительствовалъ въ школѣ съ общежитіемъ и, само собой разумѣется, страшно уставалъ, ибо долженъ былъ не только учить, но и съ утра до вечера наблюдать за 60 ребятишками. Мои маленькіе тираны не могли этого понять и, между прочимъ, постоянно хлопали одной наружной дверью, входя и выходя. Послѣднія минуты покоя, которыя я еще могъ бы урвать, пропадали для меня. Я тщетно старался отучить дѣтей словами отъ этой небрежности, естественной для нихъ среди безпорядка деревенской жизни. Тогда я сталъ наказывать, и хлопанье прекратилось.

Подобнымъ же образомъ я старался отучить моихъ учениковъ отъ безпорядка въ спальнѣ, гдѣ они самымъ нелѣпымъ образомъ разбрасывали свои вещи, одежду и пр.; мнѣ же хотѣлось, чтобы все было прибрано и на мѣстахъ. Я добился своего не однимъ разъясненіемъ необходимости порядка и напоминаніями, а тѣмъ, что присоединилъ къ послѣднимъ и наказанія.

Но понятно, что ни я не видѣлъ здѣсь ни малѣйшаго злаго умысла со стороны учениковъ, ни они не считали себя сколько-нибудь виноватыми.

Полное значеніе имѣетъ наказаніе только въ томъ случаѣ, если ученикъ совершилъ сознательно дѣйствительно дурной поступокъ, несмотря на то, что ему былъ разъясненъ дурной его смыслъ, и онъ его зналъ. Но часты ли такіе случаи?

IV.

Итакъ, что же? Награды бесполезны и даже вредны; наказанія сводятся почти къ однимъ только замѣчаніямъ, да и умѣстны почти въ однихъ только случаяхъ забывчивости учениковъ. Чѣмъ же поддерживать дисциплину, чѣмъ поддерживать въ хорошемъ поведеніи, чѣмъ побуждать къ хорошимъ занятіямъ?

Я засталъ въ одной школѣ мальчика, сына богатыхъ родителей, который всѣми считался за отпѣтаго. Дома его то бессмысленно баловали, то нещадно наказывали. Мой предшественникъ пытался дѣйствовать одной строгостью, — которую приходилось примѣнять часто, ибо проступки у Егора не переводились. Попробовалъ строгость и я, но скоро убѣдился, что она бесполезна. Тогда я круто перемѣнилъ систему. Почувствовавъ впервые внимательное и заботливое отношеніе къ себѣ, мальчикъ совершенно потерялъ голову; онъ то сторонился меня, то бросался меня обнимать, а разъ прибѣжалъ ко мнѣ *въ слезахъ* объявить, какъ «радостно» хорошо учиться. Когда черезъ полтора года онъ кончилъ курсъ, мать его пришла благодарить меня за то, что ея сына совсѣмъ узнать нельзя.

Вотъ мой отвѣтъ, и другаго я не знаю. Если бы мнѣ и работающимъ со мной учителямъ было совершенно за-
прещено налагать наказанія, то, вѣроятно, ни мы, ни
наши ученики и не замѣтили бы этого,—кромѣ совер-
шенно исключительныхъ случаевъ, которыхъ и предви-
дѣть нельзя.

Все дѣло въ томъ, что всякое воспитаніе, во всѣхъ
подробностяхъ, можетъ совершаться лишь мѣрами поло-
жительными, вытекающими изъ самой его сущности. Всѣ
случайныя прибавки, въ родѣ наградъ, всѣ мѣры отри-
цательныя, въ родѣ наказаній, суть непріятныя, чуждые
наросты, извнѣ принесенныя, по печальной необходимости,
корень которой въ недостаткахъ учителей и воспитателей.

Сказано, что всякая душа по природѣ своей есть хри-
стіанка. Это значить, что всякая душа, хоть смутно, хоть
въ тусклomъ свѣтѣ, но видитъ передъ собою свою иде-
альную, высшую цѣль и задачу и стремится къ нимъ
всѣми способами, путемъ развитія умственнаго, путемъ
совершенствованія нравственнаго. Можетъ быть, это стре-
мленіе почти безсознательно, едва замѣтно; но это ничего
не значить: священный огонь горитъ или хотя бы тлѣется
маленькой искоркой въ груди каждаго.

И все воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы учитель
всѣми силами помогать этой искоркѣ разгораться все бо-
лѣе и болѣе яркимъ пламенемъ. Но можетъ ли онъ это
сдѣлать, если не будетъ заботиться о томъ же и относи-
тельно самого себя? Можно ли совѣтовать другому: «стре-
мись быть лучше»,—и добавлять: «а я останусь, каковъ
есть, плохой».

Нѣтъ, когда ученикъ въ первый разъ приходитъ въ
школу, учитель долженъ имѣть нравственное право ска-
зать ему: «Другъ мой, я старше тебя, я болѣе тебя знаю,
я имѣлъ болѣе времени работать надъ собой. И я поведу
тебя по тому же пути, по которому самъ иду, къ той
же цѣли, къ которой самъ стремлюсь. Вѣдь этотъ путь
и эта цѣль—тѣ самые, которыхъ, сознательно или без-
сознательно, ищешь и твоя душа».

И ученикъ довѣрчиво приметъ эти слова, и оба пой-

дутъ впередъ, другъ другу вѣря, другъ друга любя, другъ другу помогая.

Боже мой, какъ все это легко и просто!

И проще, и легче всего, конечно, въ сельской школѣ.

Не дальше, какъ сегодня, когда я пишу эти строки, одинъ ученикъ съ горестью повѣдалъ мнѣ, что онъ очень дурно исполнилъ письменное изложеніе. Могло ли это случиться, если бы учитель посмотрѣлъ на его дурную работу, какъ на вину, требующую наказанія? Конечно, нѣтъ. Но ученикъ зналъ, что онъ учится не изъ-за страха передъ учителемъ, а при его участливой помощи, и вмѣсто того, чтобы испугаться своей дурной работы, былъ ею только огорченъ, но огорченъ до такой степени, что подѣлился своимъ горемъ со мной, котораго онъ по праву считалъ, несмотря за все разстояніе между нами, близкимъ себѣ человѣкомъ.

Такъ и должно быть всегда. Не учите вашихъ учениковъ, а работайте вмѣстѣ съ ними надъ ихъ образованіемъ—вотъ секретъ прилежанія учениковъ. Собственно, это даже и не секретъ, а нѣчто совершенно очевидное, и непонятно, какъ и почему не хотятъ видѣть этой, болѣе чѣмъ ясной вещи.

Какими являются ученики въ школу?

Прихожу я нынѣшней осенью въ школу, во время перемѣны, черезъ нѣсколько дней послѣ начала ученія. Маленькіе ребятишки бѣгутъ ко мнѣ навстрѣчу съ крикомъ: „Вонъ дѣвочка плачетъ!“ — „Отчего?“ — „Да не можетъ запомнить всѣхъ буквъ, что показали намъ учитель“. — Точно, отъ этого. Какого же болѣе благодарнаго матеріала для занятій вамъ еще нужно? И не будетъ ли преступенъ тотъ учитель, на котораго эти драгоценныя слезы не произведутъ впечатлѣнія, которому онѣ не укажутъ пути въ его дѣятельности? И будьте увѣрены, что таково настроеніе всѣхъ учениковъ. Не надо только закрывать на него глаза.

И не надо портить учениковъ дурными приѣмами, а это—увы!—такъ часто случается.

Я занимался съ среднимъ отдѣленіемъ. До Рождества

все шло прекрасно. Но тутъ я сильно заболѣлъ и кончалъ учебный годъ черезъ силу. Собственно говоря, мнѣ надо было отказаться отъ занятій, ибо учить съ ежедневнымъ жаромъ, головной болью, безъ голоса и силъ — невозможно. Но я упорствовалъ, и былъ за то наказанъ. Уроки мои становились все хуже и хуже; я давалъ кое-какія занятія, лишь бы ученики что-нибудь дѣлали, уроки вель скудно и небрежно, раздражался и сердился при всякой мелочи, — и ученики занимались также день ото дня все хуже, такъ что я наконецъ отдѣлилъ нѣсколько человѣкъ, какъ совершенно негодныхъ. Въ моемъ ослѣпленіи я не хотѣлъ понять, что негоденъ былъ я! Такъ окончилась зима, и больше въ этой школѣ я не училъ. Но когда я навѣстилъ ее на слѣдующую зиму, то глазамъ своимъ не повѣрилъ. Мой преемникъ, талантливый и энергичный, безъ всякаго опасенія перевелъ отвергнутыхъ мною учениковъ въ старшее отдѣленіе, и они не только занимались совершенно хорошо, но и благополучно кончили курсъ въ эту же зиму. Счастье ихъ было, что я не мѣшалъ имъ своимъ присутствіемъ.

Но это случай негодности учителя. Есть и другіе способы порчи учениковъ, и притомъ узаконенные. Напр., баллы. Правда, они если и употребляются въ сельской школѣ, то развѣ только какъ исключеніе. Но они необыкновенно характерны, и потому не лишне на нихъ остановиться. Поступившій въ школу ученикъ говоритъ дома: „Сегодня мы выучили то-то и то-то“. Черезъ два-три мѣсяца онъ уже объявляетъ съ радостью, что ему поставили пятерку, или съ горемъ, что ему поставили двойку, такъ что не выйдетъ нужнаго средняго вывода. Стремленіе къ знанію замѣнилось у него погоней за баллами. Но „выучить“ что-нибудь можно только дѣйствительно учась, а получить пятерку можно и другими, болѣе удобными способами, напр. списываніемъ, подсказываніемъ и пр., — и глушь тотъ ученикъ, который не прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ; вѣдь, занимаясь усердно, онъ вмѣсто того, чтобы идти къ цѣли, поставленной ему школой въ видѣ балловъ, прямымъ и легкимъ путемъ, съ наивнымъ упор-

ством избираетъ путь, болѣе долгій и трудный. Собственно, разговоръ долженъ быть только одинъ: „Ты это знаешь? Такъ чего же тебѣ еще?“—или: „Ты этого не знаешь? Такъ займись еще, узнай“. Я рѣшительно не понимаю, что можетъ побудить учителя говорить съ учениками о баллахъ, если даже они ему, учителю, такъ уже нужны въ видѣ памятныхъ замѣтокъ.

Но возвращаюсь къ народной школѣ.

На чемъ долженъ основывать учитель свои отношенія къ ученикамъ?

Существуетъ взглядъ, и его можно встрѣтить у многихъ нѣмецкихъ педагоговъ, что учитель долженъ являться передъ учениками какъ бы нѣкимъ всезнающимъ существомъ. Защитники этого взгляда убѣждены, что авторитетъ учителя держится только до тѣхъ поръ, пока ученики вѣрятъ, что учитель все знаетъ и ни въ чемъ ни ошибается; эта же вѣра, будто бы, поддерживается и усердіе учениковъ въ занятіяхъ.

Конечно, учителю надо знать, какъ можно больше и какъ можно лучше. Иначе онъ будетъ просто плохо подготовленнымъ, т.-е. негоднымъ учителемъ. Но знать все никому изъ смертныхъ не свойственно, и ошибки есть удѣлъ человѣческій. Не незнанія должно стыдиться, не оно есть недостатокъ; желаніе упорствовать въ незнаніи, вотъ что составляетъ позоръ для человѣка.

Поэтому, приведенное выше основаніе отношеній учителя къ ученикамъ болѣе чѣмъ шатко, и надо искать другаго. И найти его не трудно.

Если учитель вздумаетъ внушать ученикамъ мысль о своемъ всевѣдѣніи, то онъ будетъ внушать имъ ложь.

Если же, наоборотъ, онъ будетъ показывать имъ примѣръ того, какъ надо стремиться пріобрѣтать знанія, пополнять пріобрѣтенныя, и какъ надо заботиться объ исправленіи своихъ ошибокъ, то онъ какъ разъ подастъ имъ примѣръ того, на чемъ основанъ всякій учебный успѣхъ.

Въ первомъ случаѣ учитель построитъ все свое вліяніе на ложномъ основаніи, и оно всегда будетъ готово рассыпаться, какъ карточный домикъ, при первомъ столкно-

веніи съ истиной. Во второмъ учитель будетъ истиннымъ руководителемъ своихъ учениковъ; ибо они будутъ видѣть въ немъ такого же человѣка, какъ и они, только ушедшаго неизмѣримо впередъ ихъ.

И въ этомъ все дѣло.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, за всю мою долгую практику, никогда не приходилось раскапывать въ томъ, что я всегда держался такого взгляда. Мои сотрудники согласны со мной, и мы всѣ довольны, къ великому соблазну иныхъ посятителей нашей школы. Со смѣхомъ вспоминаемъ мы, въ какое негодованіе пришла нѣкая, посятившая насъ, строгая учительница, когда одинъ ученикъ началъ съ жаромъ просить ее посмотреть его работу и убѣдиться, что онъ вполне усвоилъ правило, долго ему не дававшееся. Что за непочтеніе къ учителю! — Да въ такомъ непочтеніи вся сила школы!

На дняхъ учитель, исправляя тетради, самъ сдѣлалъ ошибку и переправилъ написанное вѣрно на невѣрное. Я указалъ ему на это, разумеется, при ученикахъ. „То-то я вижу, что здѣсь что-то не ладно!“ сказалъ одинъ изъ нихъ.

Бодрый самостоятельный трудъ учениковъ при помощи и подѣ руководствомъ близкаго друга-учителя, вотъ картина, которую должна представлять всякая школа, достойная своего имени. „Что же ученики, вѣдь они насъ за товарищей считаютъ“, сказалъ мнѣ разъ одинъ учитель. Какъ для кого, а для меня это высшая похвала школѣ. И я скажу, что если такого настроенія въ школѣ нѣтъ, то незачѣмъ такой школѣ и существовать, вѣрнѣе, незачѣмъ быть въ ней учителю, не сумѣвшему вызвать его.

То же надо сказать и относительно заботъ о хорошемъ поведеніи учениковъ, понимаемомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. относительно заботъ о нравственномъ ихъ воспитаніи, поскольку оно зависитъ отъ школы.

И здѣсь я могу только повторять учителямъ на разные лады одно и то же.

Помните, что вамъ надо не обуздывать вашихъ учениковъ и не бороться съ ними, а жить съ ними въ любовномъ общеніи истины и добра.

Усвойте себѣ эту единственно достойную вашей дѣятельности точку зрѣнія и твердо держитесь ея.

Вотъ что я разъ видѣлъ въ одной деревенской школѣ. Всѣ ученики сидѣли совершенно неподвижно, устремивъ глаза на учительницу; ни одинъ не смѣлъ шевельнуться, ни одинъ не смѣлъ выдвинуться на скамейкѣ больше своего сосѣда, ни одинъ не смѣлъ держать руки на столѣ иначе, какъ въ строго определенномъ положеніи и на строго определенномъ мѣстѣ. Тишина была мертвая; никто не смѣлъ дохнуть. Хотя я явился въ школу по службѣ, какъ начальникъ, но я такъ напугался, что притихъ не хуже самихъ учениковъ и въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ на все происходящее. Наконецъ, я набрался храбрости и шепотомъ, на ухо, спросилъ о чемъ-то ученика. „Тише!“ раздался изъ другой комнаты голосъ учительницы. (Ученики размѣщались въ двухъ комнатахъ.)

Я думаю, со мной всѣ согласятся, если я скажу, что это была школа, достигшая возможно высокой степени негодности. Въ общемъ же дѣло обстоитъ въ нашихъ школахъ не такъ скверно, но и далеко не благополучно.

Надо выяснитъ себѣ мѣсто школы въ жизни ребенка.

Она врывается въ эту жизнь и захватываетъ часть ея, дабы сдѣлать послѣдующее теченіе ея лучше. Слѣдовательно, она есть нѣкоторое средство, прибавляемое къ жизни, но не замѣняющее ее.

Это не исключаетъ, конечно, того, что она ставитъ ученика въ нѣкоторыя особыя условія. Они вытекаютъ изъ самаго характера школьной дѣятельности. Во-первыхъ, школа преслѣдуетъ особую цѣль, усиленное приобрѣтеніе знаній, которое, какъ всякая специальная работа, требуетъ особой обстановки. Во-вторыхъ, въ школѣ сообщество состоитъ не изъ немногихъ лицъ, какъ въ семьѣ, а изъ большаго, иногда очень большаго числа ихъ. Наконецъ, отвѣтственность за благополучіе дѣтей несутъ здѣсь постороннія имъ лица, которымъ родители довѣ-

рили ихъ. Все это создаетъ особыя затрудненія, для разрѣшенія коихъ требуются особыя мѣры. Возьму самые наглядные примѣры. Въ домѣ играютъ два-три ребенка: ихъ можно оставить однихъ; въ школѣ ихъ 50—70, можетъ быть 100 человѣкъ: оставить такое количество безъ самаго бдительнаго надзора было бы верхомъ неблагодарумія, ибо толпа располагаетъ къ крайностямъ и увлеченіямъ. Шумъ, который могутъ поднять дѣти одной семьи, легко выносимъ; шумъ, поднятый цѣлой школой, вынести нельзя, и потому въ школѣ надо требовать болѣе тишины, чѣмъ которая необходима въ семьѣ. — И такъ далѣе.

Но все это — требованія, вытекающія изъ существа дѣла, какъ неизбѣжно, напр., становятся въ рядъ косцы, равномерно взмахиваютъ косами, равномерно подвигаются впередъ. И какъ глупо было бы требовать, чтобы мужики надбѣвали во время покоса рубахи опредѣленнаго цвѣта, такъ глупо было описанное выше требованіе, чтобы ученики держали руки на столахъ въ опредѣленномъ положеніи.

И какъ мужикъ, когда косить, ведетъ себя иначе, чѣмъ когда пашетъ, такъ и дѣти въ школѣ должны вести себя въ школѣ иначе, чѣмъ когда помогаютъ задавать кормъ скоту или когда катаются съ горы на салазкахъ. Но только въ этомъ объемѣ и на этомъ основаніи.

Только въ этихъ предѣлахъ и въ этомъ смыслѣ можетъ и должна школьная жизнь отличаться отъ семейной.

Это первое условіе правильной воспитательной дѣятельности школы.

Второе, не менѣе важное, состоитъ въ слѣдующемъ.

Правильное существованіе человѣческаго общества невозможно безъ точнаго сознанія его членами всего объема своихъ обязанностей и опредѣленныхъ границъ своихъ правъ. Въ какой бы формѣ ни говорить о свободной дѣятельности и свободныхъ отношеніяхъ, — нельзя смѣшивать свободу съ своеволіемъ и безпорядкомъ.

И вотъ этотъ характеръ строгой исполнительности и долженъ прежде всего носить весь строй школьной жизни. При этомъ надо твердо помнить, что требованіе это предъ-

является къ школѣ не только потому, что безъ строгаго порядка невозможно самое теченіе школьныхъ занятій во всѣхъ ихъ мелочахъ, но главнымъ образомъ потому, что здѣсь — основа воспитанія учениковъ, какъ будущихъ членовъ общества.

Но какъ этого достигнуть?

Единственное къ тому средство — есть примѣръ учителя.

Входя впервые въ школу, ученикъ сразу долженъ быть охваченъ общимъ настроеніемъ спокойной, правильной, искренней и добросовѣстной работы всѣхъ ея членовъ и благорасположеннаго отношенія ихъ между собой. Я говорю: всѣхъ ея членовъ, т.-е. и учениковъ, и учителя. А такъ какъ этотъ послѣдній есть центръ школы, то настроеніе и должно исходить именно отъ него.

Боже меня сохрани укорять нашихъ учителей. Ихъ общая работа достойна всякой похвалы, а если принять во вниманіе ея условія, то и величайшаго удивленія. Но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что часто, очень и даже слишкомъ часто, они ищутъ средствъ для достиженія своихъ воспитательныхъ цѣлей не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Это не ихъ вина. Это — еще не умершее вліяніе тѣхъ взглядовъ, которые породили въ свое время бурсу, съ ея бессмысленной дисциплиной, съ ея жестокими порками, словомъ, со всѣми ея ужасами. Ибо если дикія формы ея болѣе не существуютъ, то духъ, ихъ обусловившій, еще живъ. Это все тотъ же духъ, о которомъ я уже столько говорилъ. Это все та же ложная и злая мысль, что страхъ есть основа воспитанія, и что можно, такъ сказать, наложить на дурную природу учениковъ хорошее настроеніе и прикрѣпить его къ ней снаружи мѣрами строгости, подобно тому, какъ къ голой стѣнѣ можно острыми гвоздями прибить какое-нибудь украшеніе.

Поэтому бороться съ этимъ духомъ вовсе не значитъ бороться съ вѣтряными мельницами. Напротивъ, это врагъ еще живой и сильный.

Обыкновенно бываетъ такъ. Составляются правила дисциплины и объявляются ученикамъ; за нарушеніе обѣ-

щается наказаніе. Ученики напуганы и смирны, а учитель совершенно счастливъ. „Ну, теперь я покоенъ; ученики у меня въ послушаніи, и я могу спокойно заниматься“. Напрасно онъ покоенъ. Онъ объявилъ ученикамъ войну, и они повинуются ему только до тѣхъ поръ, пока онъ крѣпко держитъ вожжи. Но отпусти онъ ихъ на минуту, и тогда посмотримъ, что это за послушаніе.

Должно же быть наоборотъ.

Начинается школьная работа. Человѣкъ, стоящій во главѣ ея, т.-е. учитель, исполняетъ ее со всей доступной человѣческимъ силамъ добросовѣстностью; ученики, увлекаемые его примѣромъ, соперничаютъ съ нимъ въ этой добросовѣстности, и школьный порядокъ установленъ! А наказанія? Я и забылъ про нихъ, потому что, когда я представлялъ себѣ нарисованную сейчасъ картину школы, то у меня совсѣмъ не осталось мѣста, куда бы ихъ всунуть.

Говорятъ, напр., что за нарушеніе тишины въ классѣ надо наказывать, и мало того, что говорятъ такую странную вещь, — наказываютъ въ дѣйствительности. Но попробуйте поступить иначе. Послѣ шумнаго перерыва между уроками, когда ученикамъ, понятно, была дана полная свобода возиться, сколько угодно, они садятся на свои мѣста, конечно, нѣсколько возбужденные. Не начинайте урокъ, пока это возбужденіе не уляжется само собой; постоитъ передъ учениками нѣсколько мгновеній молча, — всѣ очень скоро насторожатся и приготовятся васъ слушать. Если же вы замѣтите, что во время урока кто-нибудь по шалости или невнимательности подниметъ шумъ, остановитесь сами или прервите отвѣчающаго ученика, и сосѣди шалуна немедленно успокоятъ его, — по крайней мѣрѣ, наши ученики всегда такъ дѣлаютъ. Если же и послѣ этого вамъ все-таки будетъ нестерпимо хотѣться наказывать, то — наказывайте себѣ на здоровье! Только знайте, что въ такомъ случаѣ ваша школа — очень скверная школа!

Но пусть такъ. Пусть текущій порядокъ школы устанавливается естественнымъ путемъ. Но вѣдь это только

одна сторона дѣла. Учитель имѣетъ передъ собой и иную, безконечно болѣе важную воспитательную задачу. На немъ лежитъ обязанность развитія нравственныхъ качествъ его учениковъ. Совершенно вѣрно. Но во-первыхъ, требованіе это, выраженное въ такой общей формѣ, нуждается въ ограниченіи. Оно какъ бы предполагаетъ, что нравственныхъ качествъ этихъ еще нѣтъ. Надо развивать въ дѣтяхъ прилежаніе, правдивость, доброе отношеніе къ людямъ и пр., и пр., и пр. Но позвольте, вѣдь они уже и прилежны, и правдивы, и добры. О чемъ же хлопотать? Развѣ только о томъ, чтобы не заглушить этихъ качествъ. А если этого не сдѣлать, то они, въ хорошей обстановкѣ, развиваются такъ же естественно, какъ естественно полевая лилія украшается красотой, которая недоступна была и Соломону во всей славѣ его.

Но затѣмъ, если и встрѣтятся въ томъ или другомъ ученикѣ уклоненія, то хорошая жизнь, въ которую онъ попалъ, какъ волна, захватить его и неудержимо понесетъ вверхъ, къ высокому берегу нравственнаго совершенствованія.

Ибо нѣтъ на свѣтѣ ничего столь заразительнаго, какъ добро.

Итакъ, я утверждаю, что чѣмъ болѣе заботиться о хорошемъ поведеніи учениковъ, тѣмъ труднѣе его добиться. Чтобы достигнуть этого, надо забыть о немъ и думать не о различныхъ предлагаемыхъ для этой цѣли мѣрахъ и пріемахъ, а о гораздо болѣе важномъ: о хорошей жизни, своей и дѣтской.

Я говорилъ уже о странномъ взглядѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ педагоговъ на положеніе, приличествующее учителю. Взглядъ этотъ повторяется въ разныхъ видахъ. Такъ, одинъ писатель говоритъ, что учителя должны быть какъ боги для учениковъ, другой одобряетъ того учителя, который, чтобы не показать ученикамъ своихъ человѣческихъ слабостей, никогда не ѣлъ передъ ними. И тому подобное. — Всѣми силами надо возставать противъ этихъ ошибочныхъ взглядовъ. Въ нашей сельской школѣ, впрочемъ, послѣдовательное ихъ примѣненіе и невозможно.

по условіямъ ея существованія. Но тѣмъ не менѣе многіе учителя стараются проводить ихъ въ той или другой степени въ жизнь. Можетъ быть даже безсознательно, надѣются они укрѣпить свой авторитетъ тѣмъ, что возвышаютъ себя надъ учениками, а въ сущности лишь удаляются отъ нихъ. И вотъ наоборотъ надо сознательно къ нимъ приближаться.

Тотъ ремесленный пріютъ, о которомъ и упоминалъ, былъ въ такомъ состояніи, что если бы я рассказалъ, что мы, я и мои сотрудники, въ немъ нашли, когда приняли его, то мнѣ никто не повѣрилъ бы. Что строгость ничего не могла тутъ сдѣлать, это было сразу очевидно: набранные изъ подонковъ городского населенія мальчишки, нищіе и воришки, ничего не боялись и терять имъ было нечего. Исключивъ трехъ коноводовъ, мы пошли къ остальнымъ навстрѣчу съ лаской и довѣріемъ. Правда, въ началѣ мы испытывали чувство въ родѣ того, которое, вѣроятно, испытываетъ укротитель звѣрей, входя въ клетку: насъ могли побить, могли учинить всякій скандалъ,—все было возможно. И ничего этого не случилось. Когда я вздумалъ въ первый разъ, вмѣсто того, чтобы грозно прохаживаться во время обѣда между столами и наблюдать за порядкомъ, самъ сѣсть между учениками и пообѣдать съ ними, то ученики пришли въ такое смущеніе, какъ будто произошло Богъ вѣсть что такое. А позднѣе, когда мнѣ приходилось бывать въ пріютѣ въ обѣденный часъ, каждый наперерывъ звалъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ, и нѣсколько человѣкъ уже неслись, сломя голову, въ кухню за кушаньемъ.—Начавшееся сближеніе быстро укрѣплялось. Прошло немного времени, и можно было давать нашимъ ребятамъ разные порученія, посылать ихъ съ заказами и т. п. Мнѣ приходится имѣть много дѣла съ книгами, перебирать ихъ, укладывать ихъ и т. д. И вотъ однажды пригласилъ я себѣ на помощь нѣсколько мальчиговъ изъ пріюта. Съ восторгомъ приняли они мое приглашеніе, и въ слѣдующій же праздникъ можно было видѣть, какъ, принарядившись, чистенькіе и скромные, явились они ко мнѣ черезъ всю Москву, понятно, безо вся-

каго провожатаго. Никто ни могъ бы подумать, что эти благовоспитанные мальчики — недавніе питомцы Хитрова рынка. Разъ какъ-то, послѣ одной такой уборки, я далъ имъ денегъ и позволилъ сходить, однимъ, въ Зоологическій садъ, съ условіемъ вернуться въ пріютъ къ опредѣленному сроку, — что и было исполнено.

Такое, по крайне мѣрѣ, внѣшнее перерожденіе совершалось необыкновенно быстро. Разъ полиція доставила намъ нищаго мальчишку, безпаспортнаго и непомнящаго родства. Никакихъ свѣдѣній о его личности нельзя было отъ него добиться. Когда его впервые привели ко мнѣ, и я, начавъ съ нимъ разговаривать, хотѣлъ ласково положить ему руку на плечо, онъ поблѣднѣлъ и затрясся: очевидно, къ нему никто не протягивалъ руки иначе, какъ для того, чтобы бить его. Но прошло недѣли три, и мы узнали отъ него всѣ подробности о немъ и могли даже выхлопотать ему паспортъ.

Я знаю цѣну успѣховъ этого пріюта и не считаю ихъ очень крупными, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось оставить его раньше, чѣмъ я провелъ въ немъ всѣ намѣченныя мною мѣры. Да и задача его была очень нелегкая: приучить дѣтей, выросшихъ въ разгулѣ разныхъ вертеповъ, къ трудному и трудовому существованію мелкихъ ремесленниковъ. Но правильное теченіе жизни и подчиненіе весьма строгому и стѣснительному распорядку ея было достигнуто довольно полно и довольно легко именно этимъ путемъ сближенія съ дѣтьми и возможнаго къ нимъ довѣрія. Не скрою, впрочемъ, что между новичками повторялись побѣги, болѣе чѣмъ естественные: страсть къ бродяжничеству слишкомъ сильно укореняется. Но они и были главнымъ проступкомъ, если не считать куренья, не особенно впрочемъ процвѣтавшаго, такъ какъ мы смотрѣли на него сквозь пальцы *).

*) Куренье учениковъ — одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ нецѣлесообразности обычныхъ пріемовъ поддержанія школьной дисциплины. Если бы оно не считалось въ училищахъ чуть не уголовнымъ преступленіемъ, то его бы тамъ и не было. А то вѣдь такъ почетно играть

Если же уже довѣріе къ такимъ дѣтямъ, дѣтямъ исключительно распущеннымъ и пожалуй даже испорченнымъ, вообще говоря, не бываетъ обмануто, то по отношенію къ обыкновеннымъ дѣтямъ, каковы ученики нашихъ сельскихъ школъ, оно можетъ быть безгранично, подобно довѣрію отца къ сыну.

Но это возможно лишь тогда, если, вопреки приведенному выше мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, жизнь учителя идетъ вся на виду у учениковъ. Само собой разумѣется, что она должна быть такова, чтобы въ ней и не было что скрывать. Чего, чего мнѣ не случалось дѣлать въ этомъ отношеніи! Не разъ, во время болѣзни, давалъ я уроки въ постели; я лежу подъ одѣяломъ, а ученики разсядутся, кто на стульяхъ, кто прямо на моей кровати, и мы занимаемся самымъ усерднымъ образомъ. Сплошь да рядомъ, покупая что-нибудь у заѣзжаго торговца, давалъ я первому попавшемуся ученику ключъ отъ моего стола съ тѣмъ, чтобы онъ сходилъ ко мнѣ въ комнату и принесъ изъ стола деньги. Вотъ только въ разныя игры не могъ я играть съ учениками; но зато въ этомъ отличался мой помощникъ и, проигравъ партію въ городки, преисправно возилъ, какъ это полагается по правиламъ игры, выигравшаго на спинѣ; его впрочемъ никто изъ учениковъ поднять на себя не могъ, и потому было рѣшено, что его, вмѣсто того, будутъ возить въ маленькихъ санкахъ.

Въ чемъ же секретъ? Почему, при отсутствіи даже малѣйшихъ поводовъ къ какому бы то ни было страху, наши ученики и занимались, и вели себя хорошо, были усердны и понятливы? Да очень просто: они въ школѣ чувствовали себя такими же живыми людьми, какими они были и дома.

роль удалца, чуть не риекующаго всей своей будущностью. На моихъ глазахъ одинъ учитель отучилъ ученика курить слѣдующимъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ сказалъ ему, что не препятствуетъ ему курить, но только проситъ не курить тайно, а приходитъ для этого, во избѣжаніе пожара, къ нему, учителю, на квартиру, и нѣсколько разъ, ловя мальчика съ напросой, повторялъ это приглашеніе.

Въ этомъ отношеніи важны всѣ мелочи. Я, напр., никогда не зову учениковъ по фамиліямъ. Вѣдь дома мальчикъ Иванъ, Ваня, Ванька, кто угодно, только не Грачевъ или Кузнецовъ. И по этому съ самаго момента переименованія начинается въ маленькой головѣ работа: «А, такъ въ школѣ меня и зовутъ по-новому; ну, значитъ, я другой человѣкъ; все, что было дома, пусть дома и останется. Вернусь къ нему, когда развяжусь со школой», Передѣлка идетъ дальше; малаго стригутъ подъ гребенку, — пусть лучше онъ и по волосамъ отличается; когда кончитъ ученіе, еще нагуляется всклокоченнымъ; школа же должна стараться только о томъ, чтобы обособить его, а не о томъ, чтобы приучить его къ такой заботѣ о внѣшности, которая была бы полезна ему и на волѣ. Затѣмъ начинаютъ дѣтей муштровать, водить парами; въ томъ, что ученики, выходя изъ класса, немного потѣснятся, бѣды нѣтъ никакой, что понятно всякому; но пусть лучше они отличаются и этимъ; а тамъ, дома, не приученные въ школѣ къ общепринятому порядку, пусть себѣ толкаются и мѣшаютъ другимъ, сколько угодно.

А то разъ произошелъ такой случай. Осматривалъ одинъ инспекторъ школу и, задавъ ученикамъ общій вопросъ, спросилъ, кто можетъ на него отвѣтить. Но въ отвѣтъ послѣдовало лишь гробовое молчаніе — и очень забавная сцена: инспекторъ выжидательно смотрѣлъ на учениковъ; ученики впились въ него глазами, не произнося ни звука. Инспекторъ повторилъ вопросъ — то же молчаніе. Инспекторъ повторилъ вопросъ въ третій разъ, — ученики продолжали на него смотрѣть, нисколько не смущаясь и съ выраженіемъ исполненнаго долга. Тогда учительница съ восторгомъ объяснила, что она, въ своей педагогической мудрости, изобрѣла новый воспитательный приемъ: желающій отвѣтить долженъ положить указательный палецъ правой руки на край стола. Можно съ увѣренностью сказать, что кромѣ учениковъ этой школы никто и никогда на всемъ земномъ шарѣ не выражалъ желанія говорить столь необыкновеннымъ образомъ!

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

На бѣднаго мальчика, попавшаго въ школу, сыплется непрерывный рядъ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ предписаній, которыя всѣ стремятся лишь къ одному: возможно сильнѣе отдѣлить его отъ его болѣе счастливыхъ однолѣтокъ, не попавшихъ въ школьную передѣлку.

И они, эти предписанія, достигаютъ своей цѣли. Они — какъ бы мелкія петли какой-то крѣпкой сѣти, которая совершенно опутываетъ поступившаго въ школу мальчика. Попавшись въ нее, онъ очень скоро изъ живаго ученика, естественнымъ образомъ хорошо себя ведущаго и жаждущаго знанія, обращается въ школьника, тотъ типъ или безличнаго и трусливаго, или заносчиваго и дерзкаго подростка, который, увы! такъ хорошо веѣмъ знакомъ. А потомъ, вернувшись къ настоящей жизни, долженъ онъ снова перевоспитывать себя въ человѣка. Легко ли это и всегда ли успѣшно? А главное, зачѣмъ нужна была сама порча? Для того только, чтобы школа могла хвастнуть показной, фальшивой дисциплиной, показнымъ, ложнымъ порядкомъ? И для того, чтобы прекрасные молодые годы были потрачены на болѣзненное приноравливаніе къ нелѣпостямъ школьной дисциплины, вмѣсто того, чтобы быть употребленными на хорошее, бодрое, здоровое развитіе и совершенствованіе?

Всѣ эти приемы особенно неумѣстны въ сельской школѣ еще и потому, что ея ученики вовсе не дѣти въ томъ смыслѣ, какъ это слово обыкновенно понимается.

Конечно, можно ихъ дѣлать дѣтьми, если угодно. Такъ, одна попечительница устроила въ своей фабричной школѣ елку и подарила каждому мальчику — по кнуту, со свисткомъ на концѣ. Тутъ даже фабричныя сорванцы опѣшили. „Да зачѣмъ же она вамъ ихъ подарила?“ — „Не понимаемъ, рѣшительно не понимаемъ“, отвѣчали они мнѣ въ полномъ недоумѣніи. Что бы сказала эта попечительница, если бы ей пришлось, какъ разъ то было со мной, разговаривать съ учениками о томъ, кто изъ ихъ деревни и за что судился, и какъ былъ наказанъ, — и услышать отъ нихъ самыя подробныя свѣдѣнія по этому поводу?!

Всѣ крестьянскія дѣти проходятъ тяжелую трудовую жизнь, дѣлять всѣ ея подробности со взрослыми членами семьи. Въ восемь лѣтъ деревенскій мальчикъ уже знакомъ со всѣми интересами деревни, испыталъ тяжелый физическій трудъ, много жилъ и дѣйствовалъ самостоятельно и несъ нерѣдко различныя отвѣтственные обязанности. Прямо изъ подпасковъ, съ молотьбы или картофельной уборки садится онъ на школьную скамью, готовый безъ устали трудиться на новомъ для него поприщѣ и узнавать все то хорошее и важное, что школа, по его мнѣнію, должна ему дать,—но и полный заботы о предстоящемъ скоро платежѣ повинностей, который, онъ знаетъ, будетъ, охъ, какъ тяжелъ его отцу!

Онъ приходитъ въ школу съ серьезными запросами и ждетъ, что она серьезно ему и отвѣтитъ. А школа? Не слишкомъ ли часто она его обманываетъ, хотя бы уже тѣмъ, что не вѣритъ въ искренность его серьезности? Именно благодаря этому своему недовѣрію школа и начинаетъ стискивать его разными своими требованіями; эти требованія не нужны для прямыхъ ея цѣлей, но она предъявляетъ ихъ изъ опасенія, какъ бы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь такого, что, хотя бы какъ-нибудь и когда-нибудь, могло бы нарушить необходимую правильность школьной жизни и склонить ученика отъ его школьной задачи. Ученика, который только и думаетъ, какъ бы хорошо исполнить эту задачу! Это ложное опасеніе можетъ привести, конечно, только къ ложнымъ мѣрамъ, изъ которыхъ въ свою очередь могутъ проистечь слѣдствія лишь какъ разъ обратныя тѣмъ, къ которымъ должно стремиться. Именно онѣ, эти мѣры, неудержимо толкаютъ ученика на тотъ самый путь, отъ котораго онѣ должны были бы его удержать, но который ими только и создается.

Но разъ ученики, такимъ образомъ, столкнуты съ истиннаго пути, самъ учитель теряетъ подъ собою всякую твердую почву. Онъ становится работою созданной имъ самимъ дисциплины, и ему не на что опереться. Значительная доля его энергіи поглощается теперь тѣмъ, чтобы

заставлять враждебныхъ ему учениковъ исполнять всякія ненужныя и досадныя требованія, имъ самимъ неизвѣстно для чего выдуманныя. И при малѣйшей съ его стороны оплошности, вся его работа оказывается мыльнымъ пузыремъ.

И наоборотъ, какая увѣренность въ себѣ бываетъ у учителя, который требуетъ отъ своихъ учениковъ только того, что нужно, и что для нихъ естественно. Намъ, которые отказались отъ приемовъ обычной дисциплины, и въ голову не приходитъ, что наши ученики могутъ не исполнять нашихъ—не приказаній, а указаній. Вѣдь именно за ними они и пришли въ школу. Давая имъ эти наши указанія, мы только исполняемъ ихъ просьбу, съ которой они къ намъ молчаливо обратились въ тотъ самый моментъ, когда впервые переступили черезъ школьный порогъ. Если бы они вздумали не исполнять, на глазахъ и за глазами, того, что мы имъ совѣтуемъ, то они бы пошли противъ собственныхъ своихъ желаній. Это было бы, однако, явной бессмыслицей. Но если предполагать въ другихъ бессмысленныя основанія ихъ поступковъ, то чѣмъ же руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ? Никакія правильныя и полезныя отношенія между людьми въ такомъ случаѣ, очевидно, невозможны. Такъ, къ несчастью, это перѣдко и бываетъ въ школьномъ дѣлѣ.

Но, несмотря на эту внутреннюю увѣренность и спокойствіе, не слишкомъ ли все-таки великъ трудъ, который въ этомъ случаѣ падаетъ на долю учителя.

Да, конечно, въ школѣ съ строгой условной дисциплиной на первый взглядъ больше тишины, а въ школѣ, какою я ее себѣ представляю, больше шума и суматохи. Но зато въ первой школѣ нѣтъ живой души; жизнь же второй вся проникнута самымъ возвышеннымъ настроеніемъ ласки, любви, взаимнаго расположенія. И, конечно, работа въ такой школѣ легка, какъ легка всякая работа, основанная на добромъ основаніи. Въ первой школѣ учитель есть ремесленникъ, а учительское ремесло—самое отвратительное на свѣтѣ. Во второй, онъ—учитель въ

истинномъ смыслѣ слова, а истинное учительство есть одно изъ самыхъ возвышающихъ и радующихъ душу занятій. Но такимъ учителемъ можетъ быть только тотъ, чье сердце дрожитъ отъ любви къ ученикамъ, кто можетъ сказать имъ: «Вотъ я, берите меня всего, дѣлайте со мной, что хотите, — только, ради Бога, извлеките изъ меня себѣ на пользу все то, на что я годенъ!»

Цѣна 30 коп.

Т. Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли геррѣ Тейфельдрека. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Т. Карлейль. Теперь и прежде. Ц. 3 р.

Т. Карлейль. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета. Ц. 25 к.

Гобино, гр. Вѣкъ Возрожденія. Историческія сцены. Ц. 2 р. 25 к.

Переводъ Н. Горбова.

Н. Горбовъ. Донателло. (Очеркъ изъ исторіи искусства XV в.). Съ рисунками. Ц. 5 р.

— Русская исторія для начальныхъ школъ. Изд. 19-е, исправленное. Ц. 20 к.

Складъ: Москва, Пименовская, Типографія Кушнерева.

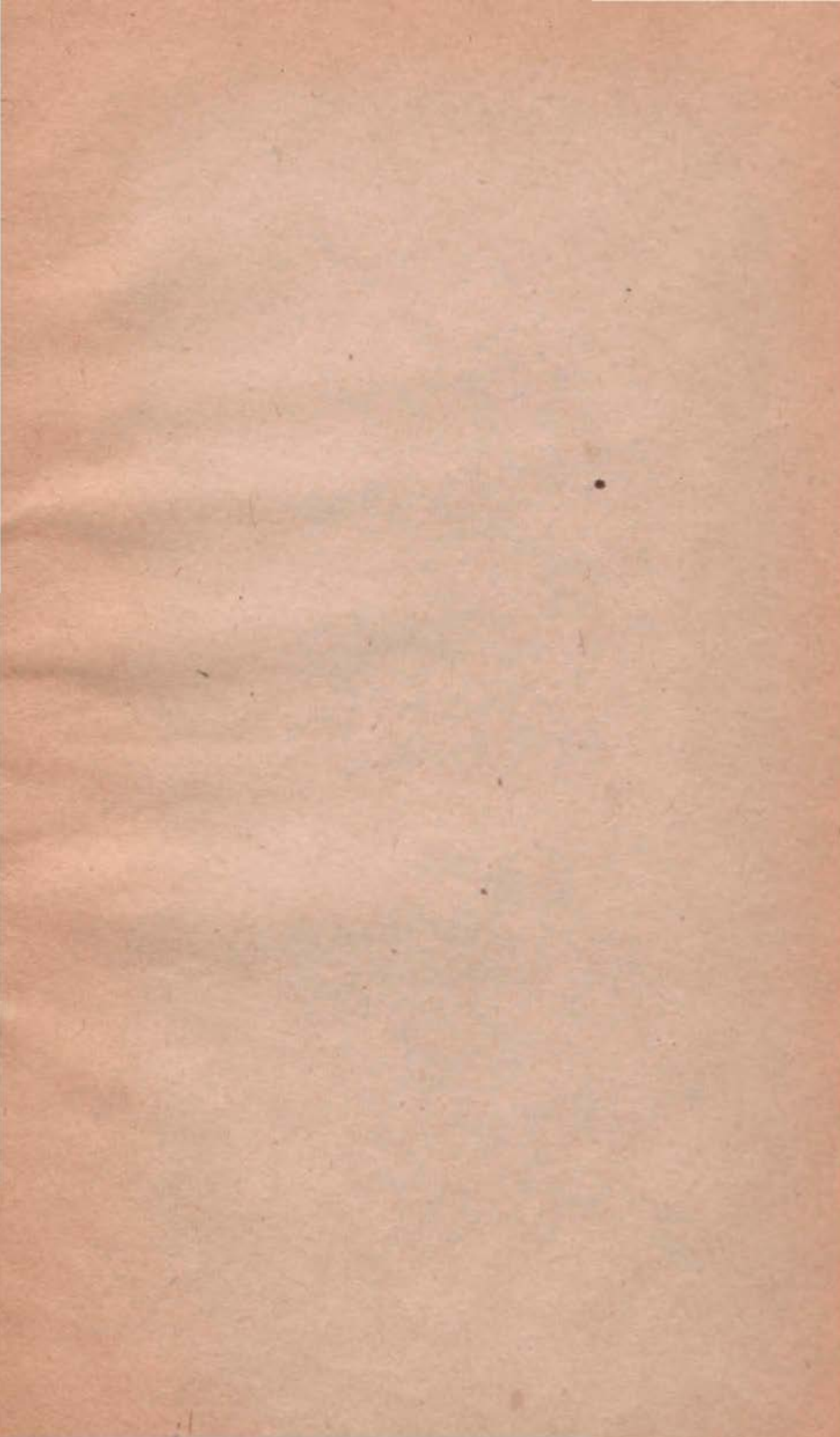
— С. А. Рачинскій. (Біографическій очеркъ). Съ портретомъ. Ц. 30 к.

(Изд. Общ. ревнителей рус. истор. посвященія въ память Имп. Александра III).

Складъ: Петроградъ, Фонтанка, 34,
Москва, Воздвиженка, 8.

— Основы обученія русскому языку въ народной школѣ. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Складъ: Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина, книжный магазинъ К. И. Тихомирова.

ms
ms

